

Последняя версия, октябрь 2016-го

В Москву, в Москву, в Москву...

Николай Иванович Языков вспоминал в 1926 году, на вечере памяти Р.Э. Классона:

После этой установки [(по завершении Робертом Эдуардовичем электрификации Охтинских пороховых заводов)] в Петербурге появился некто инженер Ратнер, приехавший из-за границы и предлагавший от Бельгийской компании постройку станции однофазного переменного тока . Р.Э. это известие прямо-таки поразило, и он на нескольких совещаниях протестовал и доказывал нецелесообразность такой установки и проводил систему трехфазного тока, а так как доводы той и другой стороны были достаточно сильны, то назначено было публичное заседание в Адмиралтействе, на котором будет принято окончательное решение.*

Собрание было очень многолюдное. Р.Э. захватил с собой меня и явился туда в таком всеоружии, с такими убедительными данными, показав полную свою осведомленность в том, что делается уже за границей, подкрепляя свои доводы мнениями таких авторитетов в то время как Доливо-Добровольский и Линдлей и прочие, следствием чего было то, что почти вся аудитория перешла на сторону Р.Э.

*Н.И. Языков, «захваченный Р.Э. Классоном в Адмиралтейство на дискуссию»
(более позднее его фото)*

* Речь, по-видимому, идет о «Бельгийском анонимном обществе электрического освещения», все же в 1897-98 годах построившем свою станцию в Петербурге на набережной Фонтанки – мощностью 5 500 киловатт на однофазном токе напряжением 2 200 вольт. Официальная должность Павла Исидоровича Ратнера в 1900 г. была такая: Главноуполномоченный для России Электрического Акционерного О-ва «Гелиос» в Кельне. Последнее одновременно с бельгийцами тоже выстроило станцию в Петербурге, на Песках – мощностью 5 250 киловатт на однофазном токе напряжением 3 300 вольт. Однако бельгийцев в Петербурге представляли А.А. Гуэ и Ф.Р. Шматцер, а не П.И. Ратнер. Здесь Н.И. Языков за давностью лет ошибся.

Защита системы трехфазного тока в лице Р.Э. была так сильна и убедительна, что «Общество 1886 года» сейчас же присоединилось к нему и бесповоротно решило строить станции как в Москве, так и в Петербурге именно трехфазного тока. (здесь и ниже цитируется по сборнику МОГЭС «Памяти Р.Э. Классона», 1926)

Сплошной поиск автора сих очерков по петербургским газетам за 1894 –1896 годы (когда Общество электрического освещения еще могло кардинально сменить курс с постоянного или однофазного переменного на трехфазный ток) не позволил обнаружить публичных отголосков упомянутого «публичного заседания» в Адмиралтействе, с выступлениями П.И. Ратнера и Р.Э. Классона.

В то же время инженер Ратнер появился в Петербурге, по-видимому, не ранее начала 1897 года, когда кельнское общество «Гелиос» обратилось со своими проектами электрического освещения в городские Управу и Думу (ранее – в конце 1896-го, похоже, интересы немцев представлял «патриот» А.А. Троицкий, работавший до этого в отечественном Обществе электрического освещения):

Вчера, 14-го Января [1897 года], под председательством Ф.И. Жербина, состоялось заседание городской осветительной комиссии. В этом заседании был рассмотрен проект контракта с фирмой «Гелиос». В проекте фирма значительно расширяет район своей деятельности и просит уже предоставить ей все столичное освещение по цене, равной ценам керосинового и газового освещения. Комиссия, одоблив в принципе проект фирмы, сделала в нем несколько дополнений в интересах города.

Помимо газетных заметок на эту тему представлял потенциальный интерес и такой анонс «Петербургского листка» (который был наиболее плотно просмотрен) в 1897 году:

Справочный листок (На сегодня 3-го Февраля)

В 8 час. вечера, в зале Морского музея [(в здании Главного Адмиралтейства)] – техническая беседа для членов «Электротехнического Общества». Сообщение А.А. Троицкого: 1) настоящее положение уличного и частного освещения С.-Петербурга и применение электрической энергии к электродвигателям и проч.; 2) предложения Общества электрического освещения, Товарищества Подобедова и Комп. и Гуэ и Шматцера по нормальному договору, выработанному городскою Управою при условии, что уличное освещение является предметом особого соглашения; 3) предложение и проект электротехнического общества «Гелиос» с представлением подробного альбома установленных этим Обществом центральных станций для городов Кельна и Амстердама и освещения Кильского канала при протяжении его в 98 килом., и 4) общие выводы.

И эта наводка (как потом выяснилось, точно такая же информация была опубликована и в «Новом времени») таки позволила уточнить время дискуссии:

В Электротехническом обществе

В понедельник, 3-го февраля, в зале Морского музея состоялась беседа по вопросам об уличном и частном освещении Петербурга и применении электрической энергии для его домашнего и технического обихода. Собравшихся членов и гостей заинтересовала, конечно, техническая сторона этого мало развитого у нас дела. Но, вопреки ожиданию, докладчик госп. Троицкий ограничился лишь тем, что в течение битых четырех часов читал «Известия Городской Думы», в которых был помещен проект договора с обществом «Гелиос».

Председатель собрания госп. Попов несколько раз пытался направить докладчика на путь чисто технических выводов и соображений, что, однако, не помешало докладчику довести чтение «Думских Известий» до последней строчки. Как председатель ученого Общества госп. Попов выказал излишнюю мягкость.

Электротехническое общество преследует строго научные цели и всякие рекламы какого бы то ни было коммерческого предприятия не могут быть в нем допускаемы. С другой стороны, впрочем, трудно и даже почти невозможно было остановить докладчика. Последний на все приглашения приступить к существу намеченного в программе вопроса отвечал длинными доказательствами, что все эти [тарифные] копейки за такое-то число часов горения и все неисчислимы выгоды, какие предлагает общество «Гелиос», именно и относятся к тому вопросу, который в данный момент интересует гг. электротехников.

Несмотря на протесты большинства присутствующих докладчик все-таки слишком импонировал твердостью своего духа и убеждением, что есть только один на свете электротехнический вопрос – это общество «Гелиос» со всеми его многочисленными благодеяниями для человечества вообще и для нашей столицы в частности.

Таким образом, гг. электротехники вместо технической беседы должны были выслушать до конца чтение «Известий», один слог которых вообще уже сам по себе способен нагнать тоску. Но техническая часть затронутого вопроса даже и по окончании этого утомительного чтения все-таки не могла быть затронута, как того следовало ожидать в этом ученом обществе! На смену госп. Троицкому явился представитель общества «Гелиос» [госп. Ратнер]. Он произнес значительно более интересную речь, но опять-таки направленную в защиту интересов общества «Гелиос», на которые собственнo никто и не думал посягать.

Дальнейшая беседа приняла характер отпора со стороны гг. членов Общества [электротехников] по адресу этих двух представителей благотельного Общества [«Гелиос»]. Некоторые из присутствовавших как, например, госп. Классен [Р.Э. Классон – МК] оспаривали мнение, что «Гелиос» – самая крупная и лучшая фирма во всем свете. Что же касается до общих филантропических взглядов, высказанных представителем общества «Гелиос», то они не могут иметь никакого отношения к вопросам электротехники. Госп. Ребиков, не вдаваясь нисколько в полемику, обратил внимание собрания на то, что вопрос об освещении совершенно не разработан в том виде, в каком он нужен городу. По его мнению, город должен был сначала знать, что он у себя допускает. Для этого следовало бы образовать особую техническую комиссию, которая должна была бы подробно осмотреть все главнейшие станции Европы и дать свои выводы.

На это инженер Флоренсов возразил, что городу все равно: какая система освещения была бы ни принята, надо прежде всего [предоставить потребителю] дешевый свет. Никаких ограничений город не имеет причины делать уже потому, что он на это не затрачивает ни копейки.

Большинство других ораторов высказывалось в пользу безусловно свободной конкуренции. Беседа приняла чисто технический характер, но ее решили [(через пять часов заседания)] отложить на будущий понедельник [(10 февраля)], т.к. представитель общества «Гелиос» откровенно заявил, что он в настоящий момент не может дать ответы на вопросы чисто технические. Беседа отложена на понедельник. Сам по себе вопрос об освещении очень интересен, но в среде ученого общества не следует допускать в нем личный, рекламный характер, на что, вероятно, в следующий раз будет обращено должное внимание.

Ч.Ч.

«Новое время», 5 февраля 1897 г.

Через неделю дискуссия, с остатками «рекламного уклона», продолжилась:

В электрическом Обществе. В понедельник, 10-го февраля, в зале Морского музея состоялась вторая беседа членов Электротехнического общества по вопросу об электрическом освещении Петербурга.

Беседа на этот раз имела более технологический характер, чего председатель, госп. Попов, достиг не без некоторой борьбы с госп. Троицким, снова начавшим убеждать, что фирма «Гелиос» есть самая крупная, самая совершенная и самая дешевая [(в отношении электрических тарифов)] на всем белом свете. На некоторые запросы технического характера, на которые представитель этой фирмы [госп. Ратнер] не мог дать ответа в прошлом заседании, отвечал сегодня письмом [из Кельна] главный директор общества «Гелиос» госп. Керпер.

Госп. Керпер высказывал свой взгляд относительно передачи силы на расстояние. По убеждению госп. Керпера, приведение мотора в действие под нагрузкой возможно лишь в том случае, если мощность центральной станции значительно превышает мощность электродвигателя. Так, например, нет возможности пустить в ход нагруженный 450-сильный прокатный станок при полной передаче станции в 1 000 сил. Надо пустить станок сначала без нагрузки. Эти условия совершенно не зависят от системы, положенной в основания устройства электрической сети.

На это инженер госп. Классон заявил, что он все-таки остается противником однофазного тока (система «Гелиоса»). Многофазные [(прежде всего, 3-фазный)] токи имеют такие очевидные преимущества, что они теперь везде приняты. Преимущества эти суть: удешевление передаточной сети, которая до сих пор стоила 50% всего электрического сооружения. Кроме того, они дают больший процент полезной работы при передаче на расстояние.

Председатель госп. Попов заявил, что в настоящее время многофазные токи представляют собой последнее слово электротехники и что настаивать на преимуществах простого переменного [(однофазного)] тока нет никаких оснований – это было бы регрессом в электротехнике.

Большинство мнения склонялось в пользу многофазных токов, которые дают выгоды как в экономическом, так и в конструктивном отношении. Таков был общий результат беседы. Госп. Попов в конце ее благодарил собравшихся членов и гостей за участие в беседе.

Ч.Ч.

«Новое время», 12 февраля 1897 г.

Здесь автору необходимо как-то обосновать свою смелость по обозначению представителя общества «Гелиос» именно как инженера П.И. Ратнера. Оказывается, прямую ссылку на его участие в «технической беседе» давала другая петербургская газета (которая, однако, «потеряла» Р.Э. Классона):

Вопрос об освещении Петербурга (В Обществе электротехников)

Наш град столичный вырос, по выражению поэта, «из тьмы лесов, из топи блат» и до сих пор, до конца XIX века, эта тьма не была еще в достаточной мере рассеяна. Все еще, как при царе Горохе, на Песках и в заречных частях города, обыватели, погруженные во тьму кромешную, «тяпаются» головами друг о друга, об стены, о фонарные столбы с лампами-коптилками и о другие неодушевленные предметы. <...>

Наконец, премудрая городская Управа решила положить конец такому «мракобесию»: она обратилась к отечественным и иностранным фирмам и со слезами в голосе, с отчаянною решимостью возопила: «Нате, грабьте, но освещайте!!».

И осветители слетелись на этот призывы жадною толпою, как вороны шотландской легенды на труп убитого рыцари... Слетелись и начали хапать: каждый предлагал свои условия, которые имели два преимущества! Во-первых обещали отличный доход предпринимателю, а во-вторых, гарантировали город от излишней дешевизны, которая, как известно, считается не то чтобы вредной, а как-то так, немного неприличной для общественного городского управления.

Павел Исидорович (Израилевич) Ратнер

Дело было уже почти улажено между городом и «дорогими» осветителями, как вдруг явился новый претендент на снабжение столицы электрической энергией. Претендент этот – электротехническое общество «Гелиос» – обязывалось устроить городу уличное освещение не только в районе Невского просп. и Большой Морской, но и по всему пространству Петербурга, исключая заречных частей, и при этом на 60% дешевле, чем предложили его конкуренты.

Кроме того, общество «Гелиос» обязывалось снабжать частных абонентов электрической энергией на 50% ниже нормы. Разумеется, после такого выгодного предложения, внесенного в Управу главным представителем общества «Гелиос» госп. П.И. Ратнером, Управа отказалась от проектов прежних конкурентов (Высочайше утвержденного электротехнического общества [Общества электрического освещения? – МК], товарищества Подобедова и Комп. и др.) и приступила к детальному рассмотрению проекта общества «Гелиос».

Эти факты сообщил вчера [(в понедельник 3 февраля)] в Электротехническом обществе инженер А.А. Троицкий. Ему много и с жаром возражали некоторые из сочленов Общества, которые все указывали на один главный недостаток предложения общества «Гелиос»: дело в том, что «Гелиос» снабжает своих абонентов простым [(однофазным)] переменным током, который, в отличие от трехфазного, пока еще недостаточно приводит в движение двигатели.

Защищаясь от этого упрека, представитель фирмы «Гелиос» госп. Ратнер, присутствовавший на заседании, указал на то, что в городе Кельне, который снабжается энергией от завода [(электрической станции)] фирмы «Гелиос», водопроводные машины приводятся в движение простым переменным током, служащим так же для освещения города.

В виду того, что прения чрезвычайно затянулись, детальное обсуждение вопроса (главным образом, с технической стороны) было отложено до следующего понедельника [(10 февраля)]. <...>

«Петербургская газета», 5 февраля 1897 г.

Из приведенных материалов достаточно убедительно следует, что инженер Р.Э. Классон «положил на обе лопатки» инженера П.И. Ратнера при аргументации преимуществ трехфазного тока над однофазным. В технические детали мы здесь сильно вдаваться не будем, а отсылаем вдумчивого читателя к статье первого инженера – «Постоянные, переменные и трехфазные токи: их характерные свойства и область применения»:

<...>Переменные токи страдают однако довольно серьезными недостатками, к устранению которых направлены усилия электротехников: двигатели переменного тока пока еще не дают удовлетворительных результатов и совершенно не могут конкурировать с двигателями постоянного, а тем более трехфазных токов. Недостатки этих двигателей общеизвестны – они плохо трогаются с места, особенно при нагрузке, не выдерживают перегруза и производят резкий шум.

*<...> Трехфазные токи являются системой передачи силы *par excellence* [(в высшей степени)], при них можно достичь столь же высоких напряжений, как и при [однофазных] переменных токах. При одной и той же потере в проводах вес меди при них на 25% меньше чем при простых переменных токах. Двигатели трехфазного тока, при крайней простоте и прочности конструкции, сходны по работе с лучшими шунтовыми двигателями [(постоянного тока)], но при одинаковых размерах допускают больший перегруз, и скорость вращения их подвержена меньшим колебаниям.*

И к статье того же Р.Э. Классона «Электрическая передача силы трехфазными токами на Охтенских пороховых заводах близ С.-Петербурга»:

<...> Итак выбор предстоял между следующими системами:

- 1) Постоянный ток в 500-700 в, преобразуемый на старых станциях в постоянный же ток в 110 в помощью вращающихся трансформаторов. Питание электродвигателей непосредственно током высокого напряжения.*
- 2) Простой переменный ток в 2 000 в с трансформацией во всех местах потребления на 110 в.*
- 3) Трехфазный ток в 2 000 в с трансформацией во всех местах потребления на 110 в.*

Простой переменный ток, представлявший то преимущество, что не требовалось никаких переделок в (двухпроводной) сети освещения, был, однако, признан совершенно не подходящим ввиду общеизвестных недостатков двигателей простого переменного тока, не идущих с места под нагрузкой и останавливающихся при перегрузке.

Своим письмом из Кельна в Петербург главный директор общества «Гелиос» госп. Керпер косвенно подтвердил главный недостаток при использовании однофазного тока:

По убеждению госп. Керпера, приведение мотора в действие под нагрузкой возможно лишь в том случае, если мощность центральной станции значительно превышает мощность электродвигателя. Так, например, нет возможности пустить в ход нагруженный 450-сильный прокатный станок при полной передаче станции в 1 000 сил. Надо пустить станок сначала без нагрузки. Эти условия совершенно не зависят от системы, положенной в основания устройства электрической сети.

Тем не менее, даже если Роберт Эдуардович и переубедил инженерную аудиторию в пользу трехфазного тока и против предложения «Гелиоса» и П.И. Ратнера о сооружении в Северной Пальмире станции однофазного переменного тока (пусть и высокого напряжения – в 3,3 киловольта), эта победа практически ничего не изменила в планах Общества электрического освещения, которое еще в июле 1896 года заложило станцию трехфазного тока на Раушской станции в Москве (см. ниже).

А электротехническое общество «Гелиос» в марте 1897 года выиграло торги на освещение улиц петербургских Песков, за счет радикального снижения цены (см. Приложение ««Конкурентная борьба» при электрификации»). Общество же электрического освещения эти торги проиграло...

Так что, скорее всего, это – *“Защита системы трехфазного тока в лице Роберта Эдуардовича была так сильна и убедительна, что «Общество 1886 года» сейчас же присоединилось к нему и бесповоротно решило строить станции как в Москве, так и в Петербурге именно трехфазного тока”* – лишь красивый миф, образовавшийся за три десятилетия в голове преданного соратника Р.Э. Классона, Николая Ивановича Языкова. В то же время можно достаточно уверенно предположить, что Роберт Эдуардович установил на собраниях в Адмиралтействе 3 и 10 февраля 1897 года весьма тесное знакомство с энергетиками, которое привело к скорому его переходу к ним.

М.О. Каменецкий в своей книге «Р.Э. Классон» не очень критично пересказал оный миф (зато установил дату увольнения Роберта Эдуардовича с Охтенских пороховых):

Вскоре после окончания монтажных работ по трехфазной установке Охтинского завода бельгийская компания предложила постройку в Петербурге станции однофазного переменного тока. На многоядном собрании в Адмиралтействе Классон выступил с убедительными данными в пользу станций трехфазного тока, показав полную осведомленность в том, что делается за границей.

В результате этого выступления «Общество 1886 г.» решило строить новые станции в Москве и Петербурге именно трехфазного тока и пригласило Классона перейти на работу в «Общество». Завод пытался удержать Классона, обещав повысить ему месячный оклад со 137 руб. 33½ коп. до 150 руб. и «производство в чин».

14 февраля 1897 г. был издан приказ по заводу об увольнении состоящего на службе по вольному найму инженер-технолога Р.Э. Классона согласно его рапорту от 12 февраля, а «Вестник общества технологов» сообщил о поступлении Классона в «Общество 1886 г.». Рабочие и служащие порохового завода при прощании с Классоном вручили ему теплый адрес и памятные подарки.*

Более того, 12 февраля в газете «Новое время» появилась статья «Helios во Франкфурте и Helios в Петербурге» (см. Приложение ««Конкурентная борьба» при электрификации»), за подписью «К.», которую можно достаточно уверенно приписать Р.Э. Классону!

Действительно, Роберт Эдуардович совсем недавно работал во Франкфурте (в конторе инженера Вильяма Хирлейна Линдлея), затем он ссылается в этой статье на книгу, вышедшую в упомянутом городе в 1896 г. и принадлежащую перу В.Х. Линдлея!! А предвзывает он эту ссылку следующей ремаркой: *«Перед нами лежит только что вышедший отчет по устройству и эксплуатации электрического освещения города Франкфурт».*

* «Вестник общества технологов» действительно вел регулярную рубрику «Сведения, имеющиеся в Правлении Общества, о перемене в служебном положении бывших воспитанников Технологического Института Императора Николая I». Однако к перемене служебного положения Р.Э. Классона журнал отнесся весьма формально, сообщив лишь, в сведениях за март (sic!), что последний «поступил в Высочайше утвержденное О-во электрического освещения в С.-Петербурге», без указания предложенной должности, проигнорировав далее его переезд в Москву в августе 1897 г., с назначением на должность старшего техника.

Откуда у петербургского технолога мог появиться сей свежий заграничный документ? По-видимому, в результате устойчивой почтовой связи с прежним своим патроном В.Х. Линдлеем (в марте 1897 г. последний даже приехал в Петербург на 3-й водопроводный съезд и выступил на нем).

Блестящая публикация, разбирающая по косточкам проект общества «Гелиос» – конкурента Общества электрического освещения в Петербурге, тоже наверняка способствовала завязыванию тесных связей Р.Э. Классона с последним и к переходу в оную компанию.

Итак, в феврале 1897 г. по Охтинским пороховым заводам был издан приказ об увольнении состоявшего на службе по вольному найму инженер-технолога Р.Э. Классона, согласно его рапорту. Таким образом, с февраля до августа того же года он работал над проектированием новой электростанции «Общества электрического освещения 1886 г.» на Обводном канале (на трехфазном токе мощностью 5 000 киловатт и напряжением 2 000 вольт), а затем его перевели в Москву.

Стоит пояснить, что Общество электрического освещения было учреждено в Петербурге по инициативе «вильманstrandского и временного С.-Петербургского первой гильдии купца Карла Федоровича Сименса, торгующего под фирмою «Торговый дом Сименс и Гальске»». Учредительный капитал этого акционерного общества в 1 миллион рублей был в основном оплачен фирмой «Сименс и Гальске». Устав Общества Высочайше утвердил император Александр III. А в 1887-м было образовано московское отделение общества (предтеча «Мосэнгеро»).

Здесь мы, чтобы читатель мог лучше представить, в какую солидную компанию попадет Роберт Эдуардович, дадим сведения из, так сказать, первоисточника – «Записки швейцарских акционеров», которая была опубликована в 1915-м на правах рекламы в «Русских Ведомостях» (С.-Петербург уже переименовали, на антинемецкой волне, в Петроград):

Учредитель Общества, инженер К. Сименс, впоследствии за оказанные им услуги пожалованный званием русского потомственного дворянина, возбудил в 1886 году перед министерством финансов ходатайство о допущении к производству операций в России Общества электрического освещения, устав коего был составлен на основании германских законов. Однако бывший министр финансов И.А. Вышнеградский признал более желательным, чтобы это Общество действовало на основании русского устава.

Ввиду этого г. Сименс, следуя указаниям министра финансов, представил проект устава русского «Общества электрического освещения» с основным капиталом в 1 000 000 рублей, разделенного на именные акции, каковой затем и был утвержден.

<...> В течение первых лет своей деятельности Общество терпело ряд неудач. Оборудованные им предприятия приходилось закрывать. Повторные попытки взять на себя электрическое освещение улиц в Петрограде и Москве не удавались. Операционный год 1888-1889 закончился даже крупным убытком, а в течение 1889-го по 1893 год не могло быть выплачено акционерам никакого дивиденда.

<...> Предприятия Общества стали развиваться успешнее только начиная с 1896 года. По заключении в 1895 году концессионного договора с г. Москвой ему удалось привлечь, кроме немецких, также французские и швейцарские капиталы, участие коих обеспечило возможность увеличить основной капитал путем выпуска на 6 000 000 рублей новых акций, значительную часть коих приобрели швейцарские банки и главным образом Базельский торговый банк (Banque commerciale).

С этого времени, то есть уже с 1896 года, швейцарские капиталисты стали все более интересоваться предприятиями Общества. Несмотря на увеличение основного капитала, последнее еще испытывало тогда большие затруднения и крайне нуждалось в средствах. Ввиду этого в декабре 1898 г. Общество заключило договор с консорциумом кредитных учреждений во главе с Société d'Industrie électrique à Bâle [(Обществом электрической промышленности в Базеле)], согласно коему Общество получило от консорциума аванс в 7 000 000 рублей, повышенный затем до 8 000 000 рублей. Около половины этой суммы внесли швейцарские банки, остальное – германские.

Несмотря на столь значительное увеличение оборотных средств, Общество все еще могло распределять только ничтожные дивиденды: в 1900-1901 гг. – 1%, в 1901-1902 – 1½%, в 1902-1903 – 2½%.

В 1903 г. был Высочайше утвержден новый устав Общества, несколько расширивший его права, причем к наименованию Общества было прибавлено указание на год его основания – «1886 год», включенное уже с 1900 г. в его фирму с целью отличить его от других Обществ электрического освещения, открывших свои операции в Петрограде позднее.

В том же 1887-м, когда было образовано отделение «Общества 1886 г.» в Первопрестольной, в городскую управу поступило предложение построить электростанцию и устроить освещение у новых потребителей и от австро-венгерского машиностроительного общества «Ганц и К^о» (Будапешт). Но из-за сомнений по поводу возможности применять в городе ток высокого напряжения австрийцам договориться с московскими властями так и не удалось. И «Ганц и К^о» отозвал своего представителя.

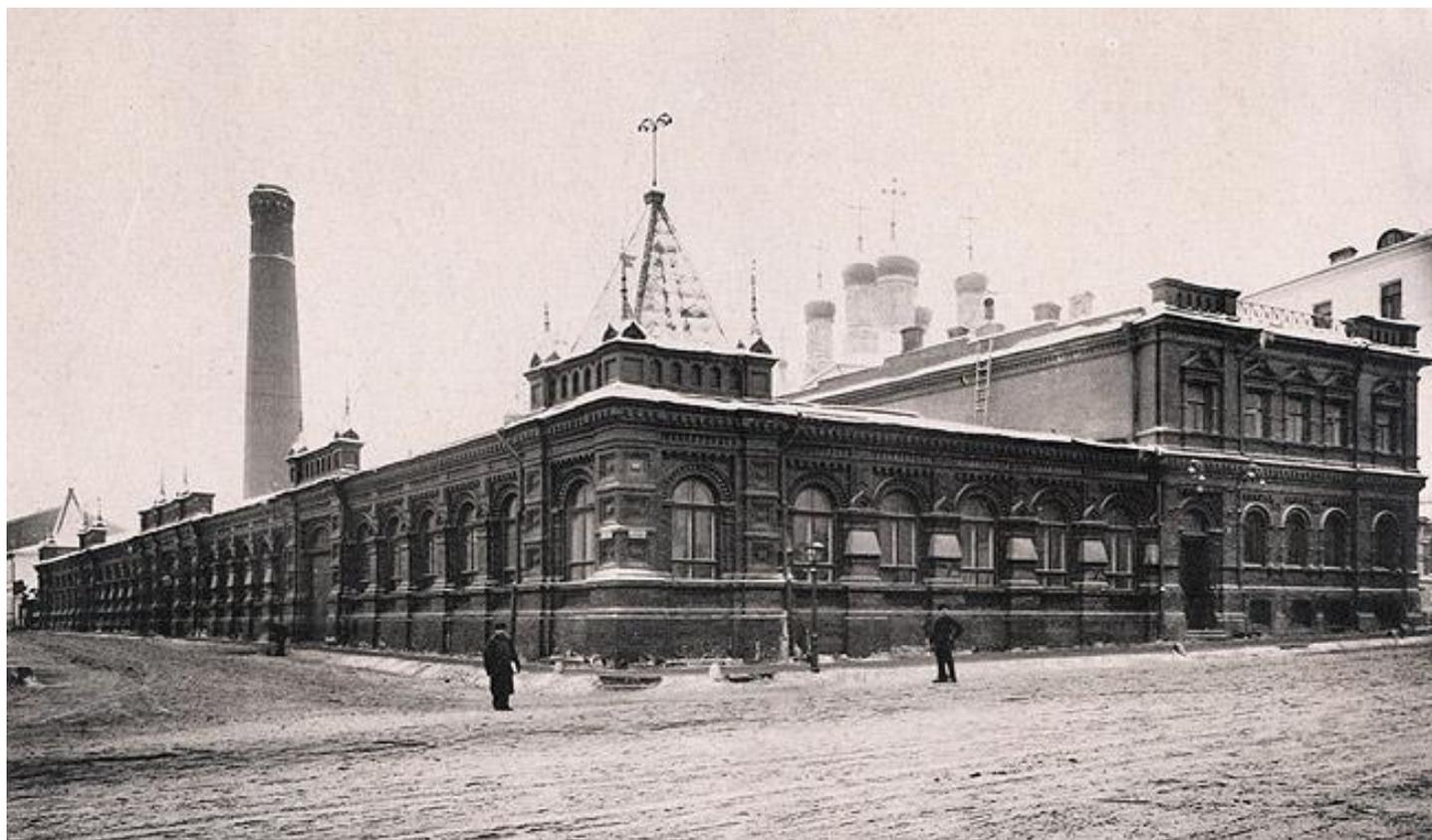
А «Общество 1886 г.» договориться смогло, поскольку предложило снабжать потребителей безопасным постоянным током (напряжением всего 100 вольт). В 1887-м оно заключило первый контракт на устройство освещения в Москве с владелицей Пассажа Постникова на Тверской ул. (сейчас в этом здании располагается театр имени М.Н. Ермоловой). В том же году началось сооружение Центральной электростанции постоянного тока на углу Георгиевского переулка и Большой Дмитровки. В 1888-м она дала первый ток. Кроме Постниковского пассажа был также освещен и Лубянский, установлены 22 электрических фонаря на Красной площади, вдоль здания Верхних торговых рядов.

Мощность Георгиевской станции постоянного тока достигала 1 500 киловатт, а выработка в 1896-м – 870 тыс. киловатт-часов. Сети станции охватывали сектор между радиусами улиц Б. Никитской и Б. Лубянки и замыкающей их дугой Бульварного кольца (т.е. радиусом не более километра). Поступали запросы и от более отдаленных абонентов, но станция не могла их удовлетворить из-за сильного падения напряжения на периферии ее сетей.

Последний тезис автор взял из книги М.О. Каменецкого «Р.Э. Классон», однако в 2014-м автор сих очерков узнал из газеты «Русское слово» о простом техническом решении, которое позволило удовлетворить и «более удаленного абонента»:

На предыдущей неделе ежедневно происходили пробы электрического освещения Тверской улицы. С первого же мая московская станция Высочайше утвержденного Общества электрического освещения окончательно открыла постоянное освещение на названной улице.

Фонари расставлены от Иверских ворот до Тверской заставы на протяжении 3¼ верст в количестве 99 штук, из коих 95 – по одному на каждом столбе, а 4 – на одном общем столбе-канделябре, против дома Августейшего Московского Генерал-Губернатора, Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича.

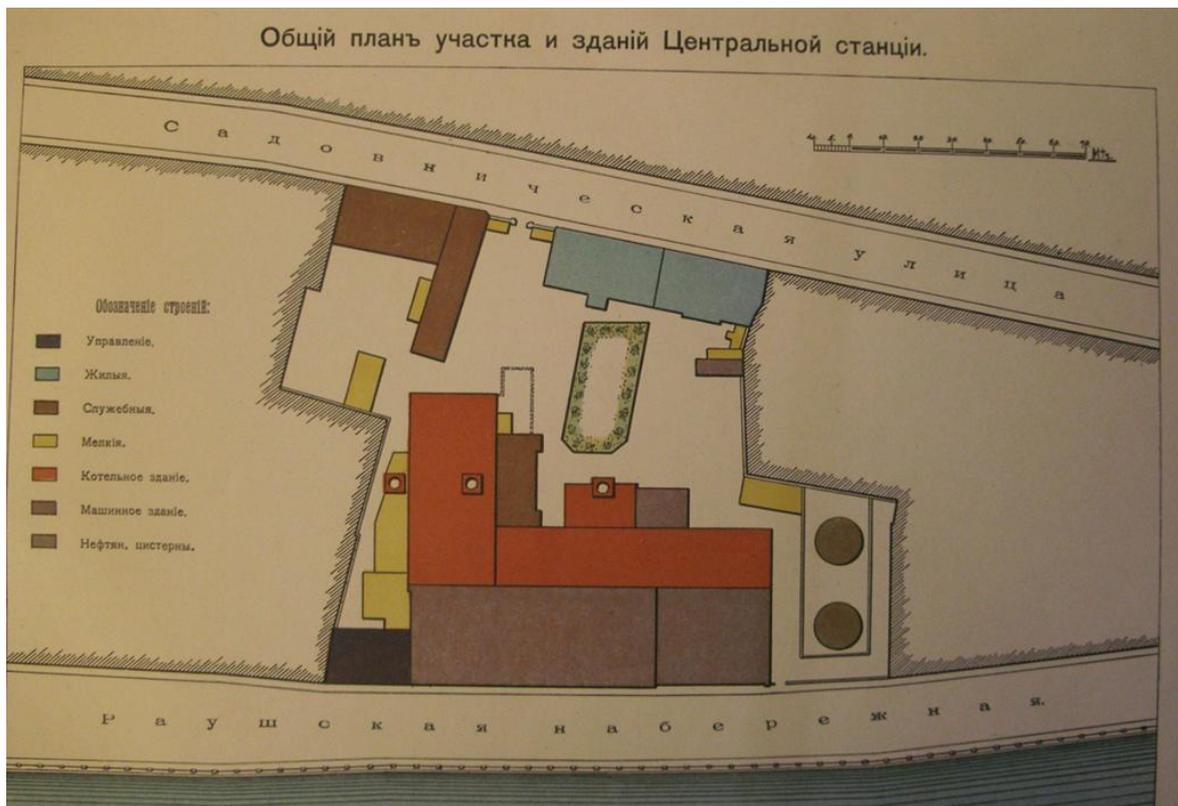

*Уже закрывшаяся Георгиевская электростанция постоянного тока, 1903 г.
(угол Большой Дмитровки и Георгиевского переулка)*

Фонари все опускаемые, так что замена [сгоревших] углей производится без всяких приставных лестниц и благодаря этому чрезвычайно удобна. Все фонари расположены в 9 отдельных цепей, по 11 фонарей в каждой цепи, для чего на центральной станции Общества установлены особые динамо-машины в 600 вольт [постоянного тока]. Общий расход силы на освещение Тверской улицы составляет около 100 действующих лошадиных сил. Все кабели, идущие от центральной станции, кроме изоляции, снабжены еще свинцовой броней.

Все это устройство стоило Обществу свыше 100 тысяч рублей; городу же не пришлось произвести никаких затрат, так как Общество предложило все это устройство бесплатно, взамен залога в 50 тысяч рублей, который оно обязалось внести городу по договору. За освещение городу так же не придется ничего приплачивать, так как Общество взялось освещать Тверскую улицу за ту же цену, которую город платил за газ.
«Русское слово», 9 мая 1896 г.

К сожалению, Марк Оскарович в своих исторических изысканиях недостаточно уделял внимание такому немаловажному параметру электрических станций, как напряжение. По поводу Георгиевской станции он лишь вскользь упомянул, да и то в другой своей книге «Первые русские электростанции» (М.-Л., 1951), что напряжение «обычных» генераторов постоянного тока составляло 130 вольт. А про установку динамо-машин напряжением 600 вольт, для освещения удаленной от станции Тверской улицы, он в своих архивных изысканиях так и не узнал...

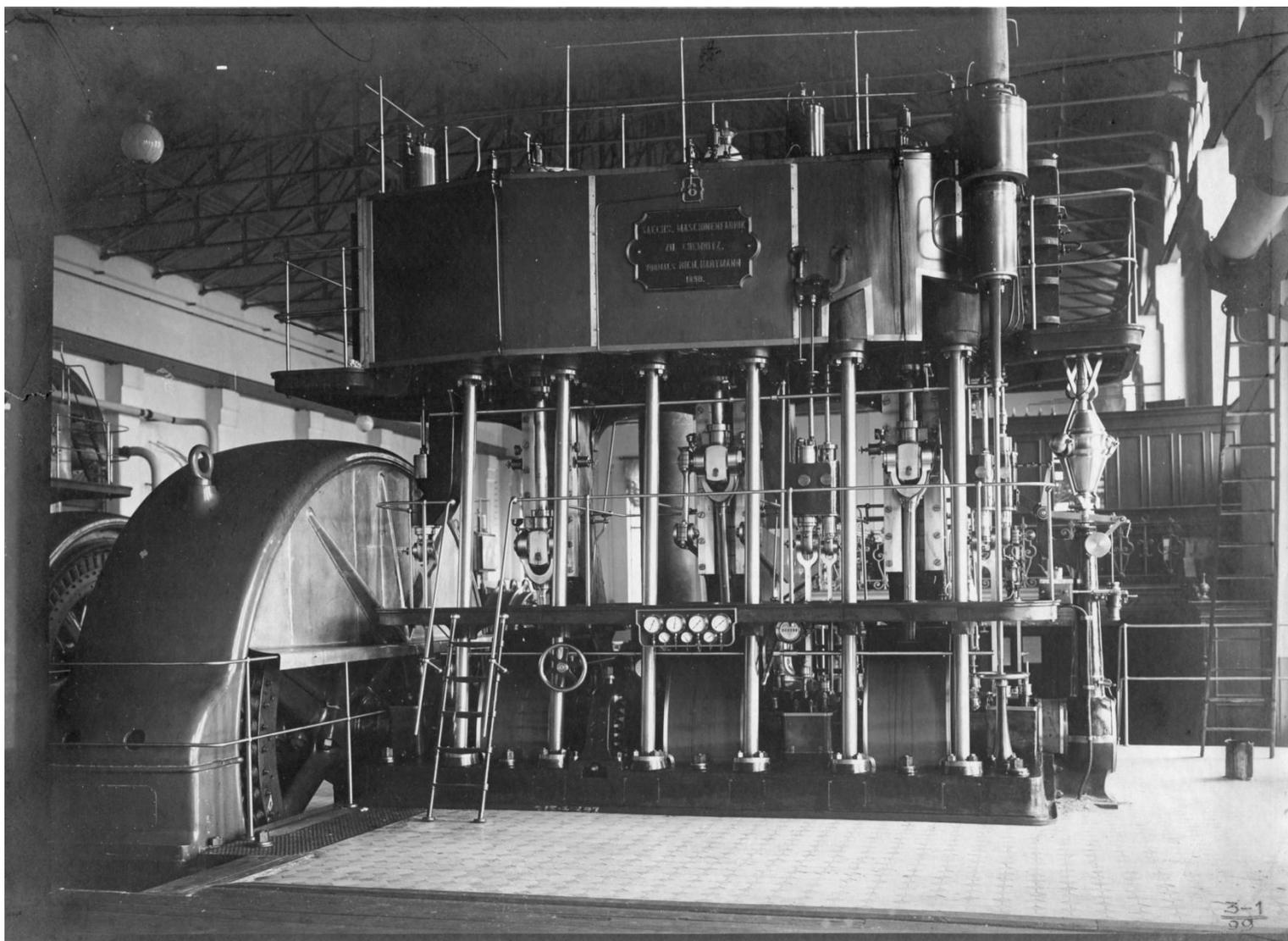
План участка и зданій Раушской станціи (из альбома «Общества 1886 г.»)

Коллективный снимок из фотоальбома по Раушской станціи, имевшегося у Р.Э. Классона; в центре сидят механик Ю.Л. Мольс и инж. А.В. Эйхель

В 1895-м «Общество 1886 г.» заключило концессионный договор с городской управой сроком на 50 лет на электрификацию «любых районов Москвы, где только горожане пожелают». При этом городская управа оставила за собой возможность привлекать и другие компании к постройке электростанций и прокладке подземной проводки по улицам и площадям Москвы. Начиная с 1920 г. городская управа получала право через каждые пять лет выкупать активы, принадлежавшие Обществу. А по окончании договора (т.е. в 1945-м) все имущество Общества должно было безвозмездно перейти в собственность города. Как известно, после Октябрьского переворота 1917-го все активы «Общества 1886 г.» и его дочерней компании «Электропередача» были национализированы. К сюжету с концессией мы еще вернемся в очерке «Опять в Первопрестольной», когда Роберт Эдуардович окажется в водовороте противостояния города и земских властей с энергетиками.

Итак, «Общество 1886 г.» решило построить в Москве новую, более мощную, центральную электростанцию трехфазного тока с генераторным напряжением 2 100 вольт и с трансформацией его у потребителей до 120 вольт. Для нее самым удобным оказался участок сада (1,2 гектара), который предложил продать примерно за 140 тыс. руб. попечительский совет Александровского коммерческого училища. Находился этот участок между Садовнической улицей и Раушской набережной.

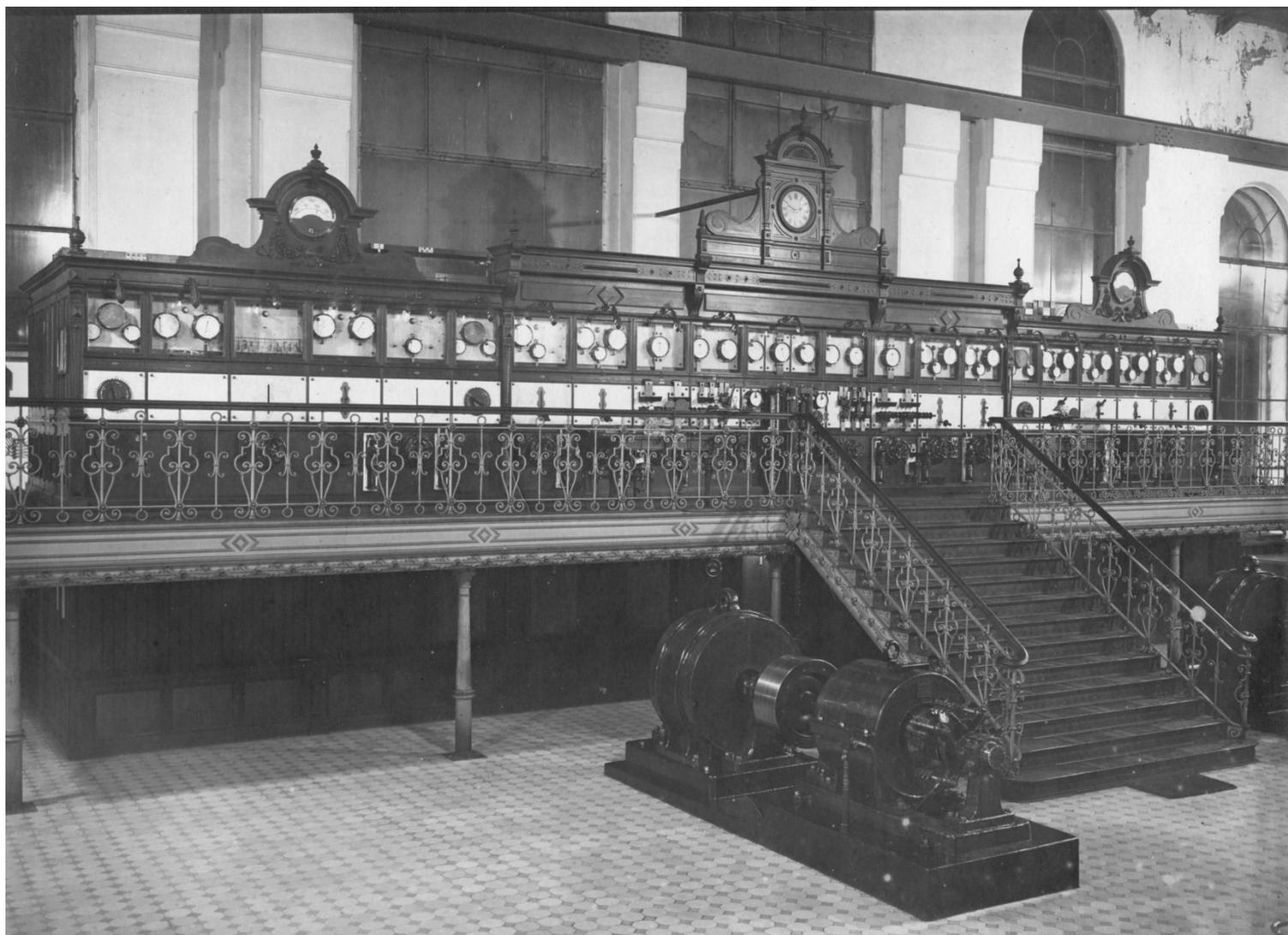
*Одна из паровых машин на Раушской станции мощностью 1 тыс. л.с.;
при увеличении можно прочитать на табличке:
SAECHS. MASCHINENFABRIK ZU CHEMNITZ. VORMALS RICH. HARTMANN 1898.*

В ноябре 1895-го правление Общества уполномочило своего директора-распорядителя Фердинанда Крестена совершить купчую, а в июне 1896-го был заложен фундамент будущей станции. Примечательно, что к ее постройке подготовили «Приблизительную Смету» в объеме 327 659 руб. – т.е. с точностью до одного царского рубля! Правда в эту весьма детальную разблюдку пришлось включить и круглую сумму «на непредвиденные вспомогательные работы – примерно до 15 000 рублей». В 1898-м, после пуска и набора приличной мощности на Московской станции, Георгиевскую станцию закрыли.

Вот как истоки этого важного события не совсем аккуратно отразила печать:

В непродолжительном времени в Замоскворечьи, на месте бывшего ранее Александровского коммерческого училища, начнется сооружение зданий новой станции электрического освещения в Москве, обширный участок земли для которой приобретен уже за 150 000 руб. С осени 1896 года [неужели это реально? – МК] станция откроет свои действия, имея машин на 50 000 [? – МК] лошадиных сил. Проводы со станции предполагается проложить кругом Москвы на протяжении 27 верст. Существующая электрическая станция на Бол. Дмитровке [на пересечении с Георгиевским переулком], по открытии новой, будет закрыта.

«Русское слово», 7 марта 1896 г.

*Щит управления Раушской электростанции**

* В книге М.О. Каменецкого на с. 56 и 57 приводятся еще 2 снимка из данного альбома: «Машинный зал» и «Старая котельная», которые редакция Госэнергоиздата «забыла вернуть» И.Р. Классону.

Сейчас в этом старинном кирпичном здании оригинальной архитектуры в Георгиевском переулке располагается выставочный комплекс «Малый Манеж».

Мы новую станцию будем теперь называть, для большей ясности, – Раушской (после национализации большевиками она получит аббревиатуру – МГЭС-1, поскольку еще в царское время станет функционировать Трамвайная станция – потом МГЭС-2). А в июле того же года было пафосно заложено здание будущей Раушской электростанции:

Вчера, 14 июля, в 1 час дня на Раушской набережной, против Воспитательного дома, состоялась закладка нового здания для центральной электрической станции Высочайше утвержденного Общества электрического освещения. В особо устроенном шатре пред чудотворною иконой Боголюбской Божией Матери, мощами св. великомученика Пантелеймона преосвященным Тихоном, епископом Можайским, соборне с местным благочинным протоиереем А.А. Доброгорским и прочим духовенством было отслужено молебствие с водоосвящением и провозглашением установленных многолетий.

Надпись на золотой доске, положенной на месте закладки будущего здания, гласит следующее: «1896 года июля 14 дня, в благополучное царствование Государя Императора Николая II, в бытность Московским Генерал-Губернатором Великого Князя Сергея Александровича, исполняющим должность Московского обер-полицеймейстера полковника А.А. Власовского и городским головою К.В. Рукавишникова, совершена закладка сего здания для новой центральной станции Высочайше утвержденного Общества электрического освещения при председателе правления К.Л. Вахтере, членах правления: бароне А.А. Гревенице, А.Я. Прохорове и Н.П. Басине, кандидатах в члены Г.Ф. Юнкере и Г.О. Герце, директорах-распорядителях Ф.Л. Крестен и О.Г. Галла и при управляющем Московским отделением Общества А.Г. Бессон. Строителем и подрядчиком был Н.В. Смирнов».

На закладке присутствовали: представитель Московской городской Думы А.И. Гучков, и.д. Московского обер-полицеймейстера полковник А.А. Власовский, представители Московской городской управы и члены строительно-технического комитета при управе, председатель правления Высочайше утвержденного Общества электрического освещения д.с.с. К.Л. Вахтер, члены правления Общества, управляющий Московским отделением последнего Г.А. Бессон и др.*

Затем в особом шатре, освещенном электрическими лампами, состоялся роскошный завтрак, во время которого играл военный оркестр. Первый тост, провозглашенный К.Л. Вахтером за драгоценное здравие Государя Императора Николая Александровича, был покрыт воодушевленными кликами «ура», смешавшимися с звуками оркестра, три раза исполнившего русский народный гимн. Второй тост был провозглашен за Августейшего Московского Генерал-Губернатора Его Императорское Высочество Великого Князя Сергея Александровича, причем оркестр исполнил Преображенский марш.

Затем последовали тосты: за Московского городского голову К.В. Рукавишникова, за процветание Московского городского управления и за Московского обер-полицеймейстера. А.Г. Бессон произнес речь об успехах, достигнутых за последние 10-15 лет в области электротехники, и подробно выяснил те задачи, к которым стремится функционирующее в Москве отделение Высочайше утвержденного Общества электрического освещения.

* Уволенного 15 июля Высочайшим указом А.А. Власовского 17 августа заменит, возвратившись из отпуска, его помощник полковник И.Н. Руднев, а 25 сентября прибудет новый и.д. обер-полицеймейстер полковник Д.Ф. Трепов.

В настоящее время Московское отделение имеет две электрические станции: одну на Бол. Дмитровке, а другую в Верхних торговых рядах. Когда же новое здание будет готово, то в этих двух станциях не будет надобности: электрическая энергия в новой станции будет состоять из 21 000 паровых сил, которыми смело можно питать 250 000 эдисоновских лампочек. Участок земли, на котором сооружается новое здание станции, приобретен за 144 000 рублей у совета Александровского коммерческого училища.

«Русское слово», 15 июля 1896 г.

Отметим, к сведению потенциальных кладоискателей, что закладная доска была медной, хотя и позолоченной. 19 июля в той же газете последовало еще одно сообщение о «грандиозной стройке»:

В дополнение к сообщенной нами заметке о закладке новой электрической станции на Раушской набережной можем добавить, что работы по постройке станции уже начались; работами занято свыше 400 человек. Проект здания выработан правлением Общества электрического освещения совместно с фирмой Сименс и Гальске в Шарлоттенбурге. Кроме уже занятых работами потребуются немало рабочих рук для прокладки новой трехфазной сети проводов, которые пройдут по всей Садовой [Садовнической – МК] улице и по протяжению бульваров. От этой линии будут прокладываться разветвления.

Как мы видим, станция на Раушской набережной изначально (до знаменитой дискуссии в Адмиралтействе в феврале 1897 года) была заложена под трехфазный ток.

В июле 1897 года сообщалось об интенсивной, масштабной прокладке кабелей по всему центру Москвы:

Работы по прокладке кабелей для электрического освещения в центральной части города, благодаря сухой погоде, быстро продвигаются вперед. Общая длина проводов будет, как известно, около 200 верст. В течение нынешнего лета кабели будут проложены на протяжении 50-ти верст по следующим улицам и переулкам:

<следует подробный перечень>

«Русские ведомости», 10 июля 1897 г.

И еще, о результатах торга с московской Управой:

Городская управа разрешила Обществу электрического освещения Москвы начать прокладку кабелей с новой Москворецкой станции Общества через Москва-реку. Кабели будут проложены на аршин от поверхности земли [? – МК]. За право прокладки кабелей через реку Общество бесплатно будет освещать Москворецкий мост.

«Русское слово», 17 июля 1897 г.

М.О. Каменецкий в книге «Р.Э. Классон» точнее указал сюжет с Москворецким мостом:

Трудности возникали также при прокладке кабелей через Москву-реку. Исходя из максимума передаваемой за реку нагрузки в 3 300 квт (60 000 одновременно горящих ламп мощностью по 55 вт, ток 910 а) и общих потерь в 20% (в том числе потери в сети высшего и низшего напряжения 4%), была определена необходимость проложить параллельно шесть кабелей сечения 3х120 мм² (при этом плотность тока составляла бы 1,26 а/мм², что соответствует принимаемой в настоящее время экономической плотности). Эти кабели решено было проложить по Москворецкому мосту. Городская управа согласилась на это при условии, что кабели будут проложены под проезжей частью на изоляторах, а ближайшие деревянные части будут обиты асбестом.

*Прокладка кабеля в Москве по Софийской наб., 1912 г.
(архивисты относят сей снимок к нуждам городского трамвая,
но подобные же масштабные работы вело и ОЭО 1886 г.)*

Кроме того, Марк Оскарлович привел следующее свидетельство, из которого становится понятным, почему тезис «с осени 1896 года станция откроет свои действия» оказался нереализованным:

При обсуждении в октябре 1896 г. сроков прокладки кабелей Брюниг, [с августа] руководивший электромонтажными работами, высказался против немедленной прокладки, так как, во-первых, нельзя прокладывать под дождем, а во-вторых, необходимо было предварительно выписать паяльщиков из Берлина.

В августе 1897-го Роберт Эдуардович занял должность старшего техника в Московском отделении «Общества электрического освещения 1886 г.». Эта должность сохранилась со времени постройки Георгиевской станции, когда старший техник был единственным инженером, полностью осуществлявшим инженерно-техническое руководство.

В Центральном госархиве Москвы (ЦГАМ) в ф. 722 хранятся, в частности, документы: от 21 сентября 1897 г. – о назначении, на время отъезда управляющего Московским отделением А.Г. Бессона, временными заместителями А.Г. Короткова и Р.Э. Классона; от 29 декабря 1897 г. – о назначении Р.Э. Классона к 15 января 1898 г. заведующим Московскими станциями [Общества] вместо инженера Брюнига; от 21 февраля 1898 г. об уходе управляющего А.Г. Бессона и замещении его временно Р.Э. Классоном и А.Г. Голиковым.

Р.Э. Классон (стоит в центре) с группой сотрудников Раушской электростанции, слева (сидит) механик Н.И. Языков, справа (сидит) – механик Ю.Л. Мольс, справа (стоит) – инж. А.В. Эйхель

На обороте фото из альбома С.И. Мотовиловой-Классон имеется надпись чернилами: «На добрую память от Ю.Л. Мольс Москва Февраля 1899 г.»

Музей истории Мосэнерго приводит такую «объективку» по коллеге Р.Э. Классона:

Мольс Юлий Антонович (Mols J.A.) Бельгийский подданный. Механик Московского отделения ОЭО (1897-1899 г.). 25.08.1899 уволен в виду сокращения штатов в Московском отделении. Оклад – 1500 р. в год (05.02.1899 – 2100 р.). Адрес: Б. Дмитровка, вед. Георгиевского м-ря, э/ст. (1896 г.). Ист.: ЦИАМ, ф. 722, оп. 1, д. 220, л. 270. (www.mosenergo-museum.ru/Energetics_to_the_Personalities/Staff/1140/).

Итак, должность управляющего Московским отделением «Общества 1886 г.» занимал пока инженер Альберт Георгиевич Бессон, закончивший Петербургский технологический институт в 1888-м, то есть тремя годами ранее Роберта Эдуардовича. В ф. 9508 РГАЭ хранится фото А.Г. Бессона с теплым, хотя и заковыристым посвящением коллеге:

Многоуважаемому Роберту Эдуардовичу Классону сей снимок, назначенный для пожаров, на память и с искренней надеждою никогда не пользоваться нашим правом сими карточками пользоваться для такой скверности как пожары.

Управляющий Московским отделением «Общества 1886 г.»

А.Г. Бессон

Н.И. Языков так описывает этот узел «линии жизни» Р.Э. Классона:

Вскоре после такой блестящей победы [(над инженером Ратнером)] Р.Э. был приглашен на службу в «Общество 1886 г.» [в Петербурге], где и занялся проектами новых станций. Но Р.Э. не был создан кабинетным инженером, он не мог долго сидеть в кабинете, его тянуло в жизнь. Его назначение было строить, создавать, брать от науки и техники все, что пригодно для жизни, и он уже начал тяготиться своей службой.

[Но] Правление Общества быстро присмотрелось к нему, увидело, что это за человек и вскоре командировало его на первую строящуюся в Москве Центральную Электрическую Станцию [(на Раушской набережной)].

В 1897 г. Р.Э. вступил в должность Старшего Техника Общества при Управляющем Московским Отделением Общества инженере Бессоне. Я был помощником Старшего Техника по электрической части и И.С. Стюф помощником по механической части. Р.Э. сразу завоевал себе подобающее место среди окружающих иностранных инженеров и постепенно поднялся над ними на голову выше. К его мнению прислушивались и считались, и, несмотря на его молодость – двадцать девять-тридцать лет, он уже имел имя даже за границей.

Р.Э. Классон, Москва, 1897 г.

Наконец, станция на Раушской набережной заработала, о чем не преминули сообщить газеты:

16-го ноября начала действовать новая станция Общества электрического освещения, по Раушской набережной; абоненты старой [Георгиевской] станции постепенно переводятся на новую станцию. Электрическое освещение с новой станции отличается ровностью и яркостью.

«Русские ведомости», 18 ноября 1897 г.

Далее появился более основательный материал:

Электрическое освещение в г. Москве

Электрическое освещение в г. Москве давно уже начало вводиться, но до последнего времени оно расширялось крайне медленно. Не говоря уже о городах Западной Европы и Америки, где применение электрической энергии к освещению получило весьма широкое распространение, Москва в этом отношении отстала даже от некоторых провинциальных русских городов: Одесса, Киев, Нижний Новгород опередили Москву в пользу электрической энергии и как источником света, и как двигательной силой.

До настоящего времени уличным электрическим освещением пользуется крайне незначительный район города: терраса храма Христа Спасителя с Каменным мостом, освещаемого с [близлежащей] городской электрической станции [(пущенной в 1881 г. госп. Чиколевым)], Красная площадь с Верхними торговыми рядами и Тверской улицей, освещаемые со станций Высочайше утвержденного Общества электрического освещения, помещающихся на Большой Дмитровке и в Верхних торговых рядах, а также подъезды у некоторых пассажиров и магазинов.

Если не считать городской электрической станции, станций для освещения Императорских театров и кремлевских дворцов, то большинство учреждений, магазинов и частных домов, освещаемых в настоящее время электричеством, получают электрическую энергию со станций Высочайше утвержденного Общества электрического освещения.

В виду увеличивающегося в [Первопрестольной] столице спроса на электрическое освещение Общество в 1895 г. заключило с городом договор, давший ему возможность расширить свои предприятия. В 1896 г. Общество увеличило свой акционерный капитал с 1 900 000 руб. до 6 000 000 руб. и приступило к постройке в Москве новой грандиозной центральной станции.

Закладка этой станции совершена была 14-го июля прошлого года на пустопорожном месте, принадлежавшем совету Александровского коммерческого училища, по Раушской набережной, против Воспитательного дома, и в количестве более одной десятины приобретенном Обществом в собственность. На этом пустыре в настоящее время возник целый ряд громадных каменных сооружений. Строительные работы произведены известным петербургским строителем, инженером Н.В. Смирновым. Первая машинная зала имеет в длину 30 сажень, в ширину – 13 сажень и в высоту до конька крыши – 8 сажень. Котельное помещение почти тех же размеров.*

* В советское время здание Воспитательного дома было снесено и на его месте возведена гостиница «Россия», которая, в свою очередь, была снесена в 2000-х. В 2010-х через Москву-реку напротив ГЭС-1 находился огороженный забором пустырь, где столичные власти планировали обустроить парк (столица, в свою очередь, в 1918-м переехала из Петрограда в Москву).

Вся станция проектирована на 20 000 [лошадиных] сил, или приблизительно на 200 000 одновременно горящих электрических ламп накаливания в 16 свечей. Станция эта построена не только для освещения, но и для всяких других применений электрической энергии, а в особенности – передачи силы на расстояние, для чего Общество избрало так называемую трехфазную систему переменных токов, дающую возможность по одним и тем же кабелям передавать на далекое расстояние как свет, так и силу. Кроме того, станция устроена так, что в случае надобности на ней могут быть установлены машины и постоянного тока, высокого напряжения, если бы то потребовалось, например, для электрической тяги вагонов городских дорог в известных частях города. Наконец, по проекту станция состоит из отдельных частей, могущих самостоятельно работать.

Так что, если бы что-нибудь случилось в одной части, остальные могут вполне свободно работать. Готовы пока одно машинное и одно котельное помещения, могущие вместить уже 11 тысяч сил. В настоящее время установлены одна [паро-динамо] машина на 1 000 сил и две машины по 500 сил, всего на 2 000 сил. Две машины по 1 000 сил уже в сборке, а к концу лета будущего года уже 5 000 сил будут вполне готовы.

Кабельная сеть в течение минувшего лета проложена по центральной части города от Пречистенки до Воронцова поля в пределах бульваров и составляет около 100 верст кабелей. С ранней весны будущего года Общество вновь приступит к прокладке кабелей уже до Садовых и по главным улицам Замоскворечья.

Кабельная сеть состоит из двух частей: одна ведет ток высокого напряжения в 2 000 вольт от машин до особых аппаратов – трансформаторов, устанавливаемых в круглых железных колоннах, находящихся на улицах и площадях или же в подвалах разных помещений. В этих аппаратах идущий со станции ток высокого напряжения перерабатывается в обыкновенный ток низкого напряжения в 120 вольт, вполне безопасный, который другими кабелями направляется уже к местам потребления.

В настоящее время Общество насчитывает в Москве до 40 тысяч ламп, которые питаются пока как с новой станции, так и со старых станций на Б. Дмитровке и в Верхних торговых рядах. Но с будущего года эти станции предположено закрыть и перенести все [потребление] на новую станцию.

Электрические машины и электрическая часть исполнены фирмой Сименс и Гальске, которая доставила также и подземные кабели. Паровые машины доставила фирма «Саксонские машиностроительные заводы (бывш. Гартманн) в Хемнице», паровые котлы – от Симонис и Ланц во Франкфурте. При сооружении станции принимали еще участие с.-петербургский Металлический завод, московский завод Г. Лист, московский завод А.В. Бари, с.-петербургская фирма Зигель, московская фирма «Нептун», московский завод Грачева, московский завод Шульц и Леве.

При новой станции Общества устроены также ремонтные механические мастерские, жилые дома для служащих и приемный покой для заболевших, находящийся под руководством постоянного врача и фельдшера. Электротехники по мере возможности привлекаются Обществом из русских инженеров. Некоторые из абонентов Общества пользуются уже в настоящее время энергией с новой станцией.

«Русские ведомости», 20 ноября 1897 г.

Аналогичный материал – «Новая грандиозная электрическая станция» появился еще 17 ноября в «Русском слове», хотя и с некоторыми фактологическими ошибками.

Отметим в нем следующие дополнительные подробности и мысли:

Строительные работы, произведенные петербургским строителем, инженером Н.В. Смирновым, представляли значительные трудности как по свойству почвы (пывучий песок, благодаря чему понадобилось забить громадное количество [деревянных] свай), так и в отношении формы самих строений, представляющих высокие и широкие залы без поперечных стен.

Но, тем не менее, в поразительно быстрое время на земле, где ранее находился деревянный склад [и ставшей затем пустопорожней], выросло грандиозное каменное сооружение, которое, однако, представляет только часть задуманных Обществом построек станции.

<...> Новая станция со своими громадными усовершенствованными машинами, снабженными гигантскими маховыми колесами, интересными контролирующими аппаратами и грандиозными продольными котлами, поставленными на особых высоких постаментках, настолько представляется любопытною и интересною, что невольно напрашивается мысль: хорошо бы сделало Общество, если бы разрешило хотя бы в течение двух-трех дней в месяц осматривать ее желающим из среды публики.

Официально станция была открыта 27 ноября 1897 г.

При постройке применялись самые качественные материалы. До сих пор в зданиях Раушской электростанции сохранились кирпичи с клеймом «И.П. Воронинъ» (в царское время при их изготовлении к глине для увеличения прочности примешивали куриные яйца). Машинное и частично котельное здание сооружали на свайных фундаментах.

Некоторые специалисты опасались, что деревянные сваи могут со временем сгнить, из-за переменного воздействия влаги при высокой воде и ее высыхания при низкой воде в Москве-реке. Однако «один из лучших тогдашних российских строителей» (по словам Р.Э. Классона), отвечавший за сооружение зданий, Николай Васильевич Смирнов отверг эти опасения, установив, что в выемке ближе к берегу находится много крепких, отлично сохранившихся бревен, которые в древности служили рядами деревянной набережной.

В октябре 1897-го Р.Э. Классон участвовал в работе комиссии по приемке зданий станции от Н.В. Смирнова. В начале декабря станция была торжественно открыта, на что «Общество 1886 г.» ассигновало 6 400 руб. Оно пригласило в престижный ресторан «Славянский базар» на Никольской улице 150 важных персон: членов городского самоуправления, судебных и полицейских чинов, директоров и владельцев банков и предприятий. Выходит, за полтора года на пустом месте удалось построить современную по тем временам электростанцию.

В советское время таких темпов так и не было достигнуто. И лишь сейчас российские энергетики стали приближаться к ним. Действительно, парогазовый блок мощностью 450 мегаватт на старой ТЭЦ-27 Мосэнерго (коммуникации на ней уже имелись) был заложен в декабре 2005-го, а сдан в эксплуатацию – в ноябре 2007-го.

Р.Э. Классон, оказавшись в 1897-м в Первопрестольной, настойчиво добивался порядка в техническом руководстве строительством и эксплуатацией Раушской станции. Он просил А.Г. Бессона:

- своевременно уведомлять его письменно о всех проектах (прилагая их копии) и технических работах, которые должны быть под наблюдением старшего техника;
- делать письменно запросы о возможности присоединения нового абонента к сети;

- копии всех писем за подписями Бессона и Классона немедленно присылать в контору старшего техника на Георгиевской станции;
- убрать с Георгиевской станции шкафы монтеров, ведущих установочные работы, чтобы посторонние не ходили через станцию.

Роберт Эдуардович отмечал, что его перевели из Петербурга в Москву для участия в сооружении Раушской станции, заведующим которой он будет потом назначен. Оборудование монтировали иностранные инженеры, а его роль состояла в контроле за ними:

Четверть века тому назад на тихой, идиллической тогда Садовнической улице, теперь застроенной громадными безобразными домами, кипела интенсивная работа в строительной конторе «Общества электрического освещения 1886 г.», возводившего нынешнюю Московскую электрическую станцию взамен совершенно устаревшей и не удовлетворяющей больше потребностей старой станции в Георгиевском переулке.

Станция была спроектирована соответственно тогдашнему уровню техники на 20 паровых машин по 1 000 [лошадиных] сил. Тогда эти машины казались чрезвычайно большими, станцию посещали техники и не техники, все смотрели на большие вертикальные машины и спрашивали: «Неужели 1 000 сил?».

Теперь на месте некоторых тысячесильных машин стоят паровые турбины по 15 000 сил, и каждая занимает то же место, что и прежние тысячесильные паровые машины. Для тогдашнего состояния техники это было последнее слово, и всюду в Европе ставились машины именно такого размера, считавшегося в то время предельным. Работа шла чрезвычайно интенсивно, с утра до поздней ночи строились здания, собирались машины, прокладывались кабели, устанавливались трансформаторные помещения – все одновременно.

Строители были совершенно независимы и работали по однажды утвержденной программе, [но] меняя и отступая от нее по мере надобности, не стесняясь в средствах, заказывая и покупая то, что было нужно.

Вся постройка велась почти исключительно немецкими инженерами во главе с Брюнигом. В то время русская электротехника находилась еще в младенчестве, и она была представлена на постройке только двумя инженерами – строителем-подрядчиком станции, военным инженером Н.В. Смирновым (одним из лучших тогдашних строителей гражданских сооружений) и будущим заведующим станцией, нынешним ее директором, инженером-технологом Р.Э. Классоном. Все остальные инженеры и большинство техников и монтеров были немцами. Русскими техниками были только Н.И. Языков и И.В. Николаев, и ныне работающие на станции. Одних иностранных монтеров насчитывалось человек до 35-ти.*

В ноябре [1897 г.] работы были настолько закончены, что можно было открыть действие станции и постепенно переводить абонентов со старой станции на новую. Кого не успевали переводить, тем давали бесплатно свечи, и трудный процесс перевода абонентов с одной кабельной сети на другую продолжался всю зиму.

Станция развивалась сначала медленно, так как она работала главным образом для освещения. Освещался, собственно говоря, только центр, главным образом магазины. Только богатые квартиры освещались электричеством. Уличное освещение было только на Тверской. Важность и значение электромоторов тогда еще мало были известны, трехфазные моторы только вступали в свои права и постепенно вытесняли моторы постоянного тока (из статьи Р.Э. Классона «Юбилей Московской государственной электрической станции, 9 XII 1897 – 9 XII 1922», ф. 9508 РГАЭ).

* По-современному, электроэнергетика.

В декабре 1897-го правление «Общества 1886 г.» сообщило Роберту Эдуардовичу: «В сегодняшнем (30/XII) заседании Правления было постановлено передать заведывание Московскими станциями инженеру-технологу Р.Э. Классону и возложить на него ответственность за их правильное действие.

Ввиду изложенного г. Классон имеет, кроме управления всеми существующими станциями, принять от г. Брюнига с 15 января 1898 г. еще и заведывание эксплуатацией новой Московской станции». Инженер «Сименса» Герман Брюниг до этого руководил электромонтажными работами на Раушской станции.

Уже упоминавшийся коллега Р.Э. Классона Н.И. Языков так рассказывал о возникшей тогда сложной технической проблеме:

При пуске станции в работу пришлось столкнуться с таким обстоятельством, что машины не могут работать одна с другой параллельно. За границей этого обстоятельства еще не знали.

А потому [мы] к этому не приготовились и были поставлены в затруднительное положение, имея станцию в несколько машин. А именно две машины по 500 л.с. и четыре – по 1000 л.с. [(первая очередь станции)] не могли работать параллельно. Одна другую толкала, так что на приборах нельзя было сделать ни одного подсчета, т.к. стрелки приборов все время болтались от нуля до максимума.

По предложению Роберта Эдуардовича были временно сделаны на железных сердечниках от трансформаторов дроссельные катушки, которые по своей малой величине хотя и не давали полного успокоения, но все-таки появилась возможность работать параллельно при совпадении положения кривошипов всех [паровых] машин. Это удавалось с трудом, т.к. нужно было улавливать кривошипы при 150 оборотах в минуту, подгонять вольтаж и фазы [динамомашин], а включать приходилось при 2 100 вольтах трехполюсным открытым рубильником.

О масляных выключателях никто еще не мечтал. Такая работа особенно вредно отзывалась на паропроводе, который ходил ходуном, то удлиняясь, то укорачиваясь на 70-80 миллиметров. После двух лет такой работы из-за границы пришли настоящие дроссельные катушки, которые дали возможность работать параллельно при любых условиях.

Н.И. Языков подытоживал:

Ту массу улучшений, введенных Робертом Эдуардовичем на станции до отъезда в Баку, перечислить трудно, так как ничего от прежней установки не осталось, даже некоторые стены и крыши уже заменены.

Благодаря исключительным качествам своей природы и выдающимся способностям при феноменальной работоспособности Р.Э. быстро был оценен Главным Инженером-Строителем Брюнигом, человеком энергичным и прекрасным администратором. Р.Э. получил возможность проявить себя в полном блеске своих знаний и способностей.

Отношения между Р.Э. и Брюнигом были самые дружественные, и Брюниг очень дорожил Р.Э. как человеком и как исключительным инженером, каких он еще не встречал, и отдавал ему всегда предпочтение перед всеми инженерами, приехавшими из-за границы.

В итоге первая очередь Раушской станции увеличила радиус действия по сравнению с Георгиевской с 1 до 5 километров, а ее мощность составила 4 000 киловатт вместо 1 500 киловатт старой станции. В ноябре 1898 г. Георгиевская станция была закрыта.

Раушская электростанция, ~1898 год

Однако, как удалось узнать из московских газет, рачительные управляющие московским отделением использовали по полной освободившиеся было площади:

Как известно, нынешнею осенью электрическая станция на Б. Дмитровке будет закрыта. Все это громадное помещение отойдет под склад и магазин предметов электрического освещения, т.е. люстр, ламп и прочего. Кроме всего этого, здесь же Общество [электрического освещения] устраивает небезынтересную выставку всех новинок электротехнических приспособлений, с публичной демонстрацией их.

В настоящее время уже получены здесь некоторые приборы для выставки. Наибольшее внимание заслуживают электрические кухни и печи: получивший электрический ток кувшин через 5 минут нагревается настолько, что в нем кипит вода; положенная на стол пластинка – нагревается до такой температуры, что заменяет собой [кухонную плиту]; квадратная, в аршин величиной, решетка раскаливается и греет комнату, заменяя печку.

Демонстрирование этих приборов будет бесплатное. Следует прибавить, что все эти вещи безопасно можно брать в руки и переносить с места на место, а печка, например, может быть помещена в любом месте и даже под тюфяком постели [!? – МК].

«Русское слово», 19 августа 1898 г.

«Русские ведомости» в тот же день опубликовали аналогичный материал, только без прибавления малограмотной «журналистской отсебятины», типа «раскаленная решетка может быть помещена даже под тюфяком постели».

А следом те же рачительные управляющие электрического Общества аж 3 раза подряд опубликовали одну и ту же рекламу, которая стоила немалых денег, в нескольких газетах (автор этих строк мониторил по Москве лишь два издания):

Московское отделение Высочайше утвержденного Общества электрического освещения доводит до сведения своих гг. абонентов и покупателей, что оно расширило свой магазин на Б. Дмитровке, угол Георгиевского переулка, собственный дом, в котором имеются постоянно в большом выборе декоративнее принадлежности: хрусталь, стекло, материалы и аппараты для устройства электрического освещения известнейших заграничных фабрик. Люстры – от 6 руб., бра – от 50 коп., столовые лампы – от 2 руб. 75 коп., тюльпаны – от 25 коп.

Новость: нагревательные электрические приборы, как то кухни, утюги, кофейники, чайники, нагреватели воды для ванн, нагреватели щипцов для завивки волос, закуривательницы, аппараты для варки яиц и прочее. Цены – самые умеренные. Тел. №680.

«Русское слово», 30 августа, 2 и 6 сентября 1898 г.

«Русские ведомости», 30 августа, 2 и 6 сентября 1898 г.

Вполне возможно, что сия реклама была синхронно размещена и в других газетах.

Эта история имела в 1899 –м «кудрявое продолжение-окончание»:

Общество электрического освещения доводит до всеобщего сведения, что оно переступило свой склад бронзы и принадлежностей для электрического освещения на Большой Дмитровке (бывшая Георгиевская станция), а также свой установочный отдел акционерному Обществу русских электротехнических заводов Сименс и Гальске.

Акционерное Общество русских электротехнических заводов Сименс и Гальске, ссылаясь на выше помещенное объявление, имеет честь довести до всеобщего сведения, что оно будет продолжать, из приобретенного им от Общества электрического освещения склада, продажу предметов для электрического освещения, а также будет производить устройства для присоединения к кабельной сети названного Общества.

Магазин наш для продажи декоративных принадлежностей, служащих для электрического освещения, с 1-го июня будет помещаться: Маросейка, дом Грачевых.

«Русские ведомости», 24 и 26 мая 1899 г.

Здесь уместно привести воспоминания мастера-электрика Ивана Ивановича Зайковского (на вечере памяти Р.Э. Классона в 1926 году):

Мне пришлось с Робертом Эдуардовичем встретиться в 1897 году, когда он только что появился в Москве на Георгиевской станции, когда он был молодым еще инженером. Те инженеры, которые раньше у нас работали, были совершенно другого типа и другое отношение имели к рабочему классу.

Этот инженер – молодой, бодрый, здоровый, видный телом и душой, первый начал подходить к рабочим и первый начал спрашивать, как рабочий класс живет: сколько получаешь, как живешь, что делаешь? Интересовался всем. В то время мне было только девятнадцать лет – еще мальчуган, деревенский парень, и мне эта личность показалась такой светлой, такой хорошей, что часто идя по Москве, смотрю в лицо каждому человеку и все не подберу такого как Р.Э.

Позволим предположить, что пристальный интерес Р.Э. Классона к рабочему классу был связан с его прежним увлечением марксизмом и подогревался контактами в Петербурге с В.И. Ульяновым-Лениным: какие в российском капитализме существуют отношения между работодателями и наемными работниками, каково материальное положение последних.

В то же время, как мы увидим далее, Р.Э. Классон до конца жизни всегда внимательно и заботливо относился к нуждам рабочих и других своих подчиненных – техников, инженеров, административных работников, т.е. его теоретический интерес гармонично сочетался с заботой о людях. В современном российском капитализме такое отношение предпринимателей к работникам стало большой редкостью...

Теплотехник-практик Иван Вячеславович Николаев вспомнил на вечере памяти Р.Э. Классона в 1926-м два бытовых эпизода, произошедших в конце XIX века. Один из них такой:

Первое мое знакомство с Робертом Эдуардовичем произошло в 1897 г., когда я впервые увидел его на старой электрической станции «Общества 1886 г.» (Большая Дмитровка). Он своим разговором произвел на меня самое наилучшее впечатление. Мне казалось, что этот, симпатичный на мой взгляд, человек явился из какого-то другого мира.

Шел разговор о верхнем платье: один из старых служак «Общества 1886 г.» распахнул свое хорьковое пальто с бобровым воротником и, показывая его, сказал, что это пальто стоит 350 целковых. Р.Э., услышав это, сделал гримасу, которую я видел в первый раз и которая, кстати сказать, осталась у него на всю жизнь, и с комическим смехом сказал, что пальто, которое на нем, стоит [всего] 60 руб.: «я купил его в Швейцарии, как видите пальто очень хорошее». Собеседник в хорьковом пальто немного смутился, но Р.Э. сейчас же перешел на другой разговор, и этим [неприятный] момент был сглажен.

И второй эпизод, который вспомнил И.В. Николаев:

Как-то давно Р.Э. проходил со мной по котельной. Увидев группу отдыхающих потных и грязных рабочих, сидящих на полу, он подошел к ним, поговорил с ними и, обращаясь ко мне, спросил: «Сколько мы выдаем им в год рабочих костюмов?». Я ответил, что две пары. Он одно мгновение подумал и сказал мне, что при такой работе двух пар мало и просил меня выдать третью пару, и с тех пор рабочие получали по три пары костюмов в год.*

В 1898-м из московских газет можно было узнать о такой деятельности энергетиков:

Московским отделением Высочайше утвержденного Общества электрического освещения предполагается прибить на углах улиц, по которым проходят электрические кабели, дощечки для указания кабелей высокого и низкого напряжения, глубины их заложения и расстояние от прибиваемой доски. На прибивку этих дощечек дано уже разрешение начальником [московской] полиции. «Русские ведомости», 20 апреля 1898 г.

В настоящее время заключен контракт Московской консерваторией с Обществом электрического освещения, в силу которого последнее обязуется доставлять электрическую энергию для освещения здания консерватории на Никитской улице.

«Русские ведомости», 14 июня 1898 г.

Работы по предложенному в прошлом году покрытию всей центральной части Москвы кабельною сетью для электрического освещения теперь временно приостановлены. Пока Общество электрического освещения занято окончанием перевода всех абонентов на 3-фазную переменного тока систему и присоединения их к новой центральной станции.

* По-современному, спецовок.

Как мы слышали, осенью нынешнего года старая станция будет закрыта. С будущего года предполагается проложить кабели на окраинах, между прочим на Пятницкой, Замоскворечья, Мещанской, Басманной, в Гороховом пер., однако предпочтительно в тех местностях, где будет заявлено больше требований на поставку электрической энергии.

«Русское слово», 16 июня 1898 г.

По соглашению с городской Управой Общество электрического освещения поставит 4 фонаря с вольтовыми дугами на Моховой улице около Манежа.

«Русское слово», 6 июля 1898 г.

Вчера городом сдано устройство двух иллюминационных щитов для Иверской площади против дома Генерал-Губернатора и для Воскресенской – против здания Думы [(в рамках предстоящих в августе торжеств по случаю открытия в Кремле памятника Царю-Освободителю Александру II)]. <...> Иллюминацию дома обер-полицеймейстера [(на Тверском бульваре, против Богословского переулка)] город сдал Обществу электрического освещения, которое устроит здесь иллюминацию из лампочек накаливания.

«Русское слово», 21 июля 1898 г.

Исключительной по силе света будет устроена иллюминация Высочайше утвержденным Обществом электрического освещения на Раушской станции. Архитектурная линия карниза будет освещена лампами с вольтовыми дугами. Всех ламп теперь уже установлено до 50 штук; предполагается число их довести до 80. Каждая лампа равняется по силе света 1 500 свечам.

Насколько силен будет свет от иллюминации, можно судить по тому, что третьего дня при пробе всего 20 ламп противоположный берег Москвы-реки был залит настолько светом, что можно было свободно читать. <...>

«Русские ведомости», 9 августа 1898 г.

В настоящее время идут деятельные работы по переводу абонентов старой кабельной сети на новую, питаемую трех-фазным током. Большая часть общественных учреждений уже получают новый свет. Переведены все театры и переводится Университет. Вчера закончились работы в доме московского Генерал-губернатора, где вся сеть сделана заново. В первый раз был пущен трех-фазный переменный ток и была произведена проба освещения.

«Русские ведомости», 9 августа 1898 г.

В будущем году, с весны, Общество электрического освещения приступит к прокладке кабелей по главным улицам Замоскворечья, т.к. со стороны местных жителей поступает много требований на электрическое освещение.

«Русские ведомости», 10 августа 1898 г.

В настоящее время станция Общества электрического освещения на Раушской набережной расширяется: надстраивается на здании мастерских еще один этаж и ставится в котельном отделении 5 новых котлов. Теперь станция располагает тремя машинами по 1 000 сил и двумя по 500. К осени соберется еще одна машина в 1 000 сил, а к весне - другая, такой же силы. Так что к будущему году станция будет располагать машинами в 6 000 сил. Для подачи электрической энергии для предполагаемого [городского] электрического трамвая приспособляется машина в 500 сил [(устанавливается электромеханический умформер, преобразующий трех-фазный ток в постоянный)].

«Русские ведомости», 11 августа 1898 г.

<...> По линии бульваров очень изящно был декорирован и освещен электричеством дом Московского обер-полицеймейстера [(который взялось иллюминировать Общество электрического освещения)]. Над балконом устроен большой щит, на котором помещается развернутая горностаевая порфира с малиновым бархатом. Посредине мантии рельефно выделяются инициалы Их Императорских Величеств, сделанные из розовых, белых и зеленых лампочек с разноцветною короною над ними.

Красивые гирлянды зелени с рассеянными в ней белыми электрическими огоньками спускаются вниз от порфиры и обвивают балкон, перила которого, карниз и столбики унижены разноцветными огоньками. Гирлянды идут также и к обоим боковым подъездам, над которыми установлены красивые цветные звезды.

«Русские ведомости», 11 августа 1898 г.

Только вчера старая электрическая станция, все время работавшая даже по ночам, вследствие массы заказов на иллюминацию, окончила убрание здания самой станции. Вся стена, выходящая на Дмитровку, в гирляндах зелени, обвивающихся вокруг окон, перекидывающихся с одного выступа на другой и поднимающихся на крышу и к угловой башенке, где сосредоточены главные фигуры из электрических лампочек.

Среди зелени, увивающей все здание, рассеяно множество разноцветных стовольтовых лампочек. На вершине угловой башенки и на боковом фасаде блестят инициалы Их Величеств из золотистых, зеленых и красных лампочек над золотистою короною. Верхняя гирлянда, идущая от короны к углам здания, резко выделяется белым цветом.

Над башню установлен рефлектор, который бросает снопы света по направлению к Охотному ряду. Завтра предполагается число рефлекторов увеличить до четырех и направить их в другие стороны.

«Русские ведомости», 17 августа 1898 г.

Первый электрический кабель в Замоскворечье, как нам передают, будет проложен по той улице, с которой больше всего будет заявлено предварительно требований на электрическую энергию. Пока впереди других идет Пятницкая улица.

«Русское слово», 20 августа 1898 г.

В виду приближения осени на московских улицах замечается особенное оживление работ по прокладке электрических кабелей. Работы производятся даже ночью при искусственном освещении.

«Русские ведомости», 25 сентября 1898 г.

Здесь стоит отдельно остановиться на двух эпизодах, к которым мог иметь отношение заведующий Раушской станцией.

Первый эпизод касался «легкого бодания» энергетиков с городской Думой:

<...> Голова [князь В.М. Голицын] предложил Думе ассигновать 5½ тыс. руб. на работы по переустройству в Думе электрических проводов, передающих энергию для освещения Думы. Как известно, электрическое Общество переделало свою сеть кабелей с однофазной системы на трехфазную, вследствие чего и городу приходится переделывать свои провода старой системы на новую, трехфазную. Общество уведомило Управу, что освещать Думу без переделки проводов оно может только до 1 сентября.

Гласный Щепкин заметил, что городу вообще пора позаботиться о сооружении собственной электрической станции, а не быть в зависимости от частного Общества, которое теперь переделывает свою сеть проводников на трехфазную систему и заставляет город расходовать 5½ тыс. руб., а завтра вздумает заменить и эту систему другою, и городу может быть придется израсходовать 10 000 руб. Н.Н. Щепкина поддерживал гласный госп. Перепелкин.

Голова, вообще замечательно корректно относящийся к мнению гласных, поставил вопрос на баллотировку, и Дума поручила Управе составить по этому вопросу доклад.

«Русское слово», 29 июля 1898 г.

Второй эпизод был связан с тяжелым несчастным случаем на Раушской станции:

29-го июля на электрической станции, на Садовнической улице, во время разборки каменной стены одноэтажного здания двое рабочих стали на конец ступени каменной лестницы, но последняя не выдержала тяжести и обрушилась, а с нею вместе упали с высоты 4-х аршин на каменную площадку и рабочие, крестьянин Мартын Гурьев и цеховой Степан Щитов. Оба они получили массу разорванных ран и ссадин; Щитову же кроме того обнажило берцовую кость.

По подании первоначальной медицинской помощи пострадавшие отправлены в Яузскую больницу.

«Русские ведомости», 31 июля 1898 г.

Скорее всего, разборка каменной стены одноэтажного здания была сдана на подряд какой-нибудь артели местных рабочих-строителей. Поэтому формально Р.Э. Классон не отвечал за ее деятельность и обеспечение безопасных условий труда. И все же, все же... Ведь педантичный Роберт Эдуардович, будучи в должности старшего техника, просил А.Г. Бессона «своевременно уведомлять его письменно о всех проектах (прилагая их копии) и технических работах, которые должны быть под наблюдением старшего техника».

И здесь он, уже будучи заведующим станции, в принципе мог бы затребовать от старшего артели последовательность разборки каменной стены с вделанной в нее, по видимому по консольной схеме, каменной же лестнице, на которую так неудачно встали крестьянин Мартын Гурьев и цеховой Степан Щитов. А, как известно, консоль может сохранять устойчивость лишь в случае целостности опоры, в данном случае – стены.

Поэтому в данном случае рабочие должны были осуществлять разборку с временных, деревянных подмостей, снаружи от стены, и ни в коем случае не становиться на внутреннюю каменную лестницу, которая обрушилась бы в любом случае, даже и без воздействия веса двоих рабочих.

Кстати, в «Русских ведомостях» 25 ноября и 7 декабря 1898 г. появился комментарий в связи с тем, что Департамент торговли и мануфактуры Министерства финансов передал на рассмотрение Императорского Русского Технического Общества проект обязательных постановлений для охраны жизни и здоровья рабочих. Обширный комментарий автора статьи, укрывшегося за инициалами «Ф.П.», к сожалению, не коснулся такой актуальной темы как безопасные приемы при строительстве зданий и, тем более, при разборке их. Возможно, она даже и не была затронута в 445 параграфах проекта.

В ноябре на Раушской станции приключился самый настоящий блэк-аут, хотя и кратковременный:

Вчера, в 4 часа 48 минут вечера, на центральной электрической станции на Раушской набережной произошла внезапная порча некоторых вспомогательных аппаратов, вследствие чего явилась необходимость немедленно остановить все машины на короткое время. Через 12 минут все было исправлено, и освещение восстановлено.

«Русское слово», 5 ноября 1898 г.

По аналогичной информации «Русских ведомостей» «внезапная порча некоторых вспомогательных аппаратов» произошла за главным распределительным щитом. При этом оные аппараты «вели высокое напряжение». Уж не крыса ли или кошка ли замкнула накоротко сборные полосы (шины)? После чего обгорелый труп животного пришлось вытаскивать из этих сборных полос – понятно, обесточенных?

При этом ни слова не упоминалось о том, что станция состоит, как сообщалось ранее в газетах, из отдельных частей, могущих самостоятельно работать. «Так что, если бы что-нибудь случилось в одной части, остальные могут вполне свободно работать».

Роберт Эдуардович никогда не упоминал об этом инциденте, возможно, считал его незначительным или же относил к «трудностям роста».

В 1899-м московские газеты продолжали систематически освещать деятельность энергетиков:

Общество электрического освещения приступает к постановке новой большой машины в 1 000 сил, что с существующими даст в общем для освещения Москвы 6 000 сил. В последнее время замечается большой спрос на электрическую энергию для механических двигателей, которые в Москве начинают получать большое применение.

«Русские ведомости», 6 февраля 1899 г.

На днях московской администрацией Общества электрического освещения должен быть получен от главного правления Общества, находящегося в Петербурге, утвержденный и одобренный проект дальнейшего оборудования и устройства электрического освещения в Москве. Этот проект включает в себе подробную программу работ, какие должны быть произведены московской администрацией Общества, начиная с весны настоящего года и затем в продолжение лета и осени.

В нынешнем году московская администрация Общества, по составленному ею проекту, намерена сосредоточить свою деятельность на центральных пунктах [Первопрестольной] столицы, не выходя за пределы Садовой, и заняться насыщением электрической энергией, главным образом, районов Арбата, Пречистенки, Знаменки, Поварской улиц, района от Красных ворот к Басманной и др. Устройство электрического освещения за пределами Садовой в нынешнем году не будет производиться.

Может быть произведена в некоторые городские части вне Садовой только прокладка кабелей, и то только в том случае, если у Общества будет на это достаточно времени и не встретится других каких-либо препятствий.

«Русские ведомости», 12 февраля 1899 г.

Старая станция Общества электрического освещения, находящаяся в Георгиевском переулке, в настоящее время почти совсем упраздняется. Все [паровые] машины и динамо-машины подвергнуты разборке. В старом помещении станции останутся только 2 действующих и 2 запасных электромотора для передачи электрической энергии [в виде постоянного тока], получаемой [в виде 3-фазного тока] с главной станции Общества, на Тверскую улицу и Красную площадь, где горит обыкновенно более 200 дуговых фонарей.

«Русские ведомости», 13 февраля 1899 г.

По-видимому, здесь идет речь об устройстве на Георгиевской станции электромеханического умформера (2 электрические машины на одном валу), чтобы по такой схеме продолжать питать, как и ранее, дуговые фонари на Тверской ул. и Красной площ., тем самым оттянув их замену на лампы, питаемые от 3-фазного тока.

Как нам сообщают, Управа и Общество электрического освещения приходят к соглашению относительно вознаграждения за переход через городские мосты с электрическим кабелем. И в непродолжительном времени часть Моховой, Охотный ряд и Театральная площадь осветятся 28-ю дуговыми электрическими фонарями; на Тверской площади фонари станут вокруг обнесенного канатом места. 24 фонаря Управа получает бесплатно и за 4 – платит по таксе.

«Русские ведомости», 11 марта 1899 г.

Городская Управа послала телефонному и газовому Обществам планы, на которых указаны улицы и места прохождения электрических кабелей, и просила Общества перед производством работ на улицах, где указаны на плане электрические кабели, уведомлять о времени работ Московское отделение электрического Общества, которое обязано немедленно высылать на место работ своего агента, к ограждению безопасности и к устранению возможной порчи кабелей.

«Русские ведомости», 16 марта 1899 г.

Общество «Гелиос», эксплуатирующее электрическую энергию в Петербурге, прислало на днях в московскую городскую Управу обширный доклад. В нем указывается, между прочим, на невыгодность и стеснительность стороны договора, существующего у московского городского управления с Обществом электрического освещения.

Так, например, Общество прокладывает свои кабели только по тем улицам, где заявлены требования на горение 446-ти лампочек, по 16-ти свечей каждая, на одну погонную сажень кабеля, и притом при условии, чтобы эта улица была не далее 150-ти саженей от узловой точки существующей сети.

Затем, при освещении какой-нибудь улицы, на город возлагается устройство за свой счет столбов, фонарей, ламп и т.п. Плата за освещение у частных лиц очень высока – 55 коп. за кило-ватт[-час].

Далее правление Общества «Гелиос», указывая на сравнительную дешевизну своего освещения, по договору с петербургскою Управой и на то, что оно отдает городу все свои барыши, полученные свыше 8% [годовых] с предприятия, заключает о невозможности для Москвы при существующих условиях развивать электрическое освещение улиц и удешевить энергию для частного употребления.

В заключение Общество «Гелиос» предлагает свои услуги в деле дальнейшей разработки вопроса об эксплуатации электрической энергии в Москве.

«Русские ведомости», 23 марта 1899 г.

Здесь стоит отметить, что «Гелиос» так и не смог разрушить монополизм Общества электрического освещения в Первопрестольной, в отличие от своей более удачливой деятельности в Петербурге...

Вчера, 26-го марта, началось правильное движение вагонов электрическою тягою на загородном участке от Бутырской заставы до Петровского парка. <...> Электрическая энергия для движения получается с городской электрической станции, находящейся на Раушской набережной за Москвой-рекой, по специально проложенному на протяжении 7-ми верст кабелю. По нему сила [напряжением] в 2 тыс. вольт передается на собственную станцию Общества конно-железных дорог, устроенную близ Башиловки, где она с возвращающимся через рельсы током [? – МК] перерабатывается в постоянный ток в 550 вольт. Для переработки тока и передачи его воздушным [трамвайным] проводам на станции находятся моторы и 4 динамо-машины. <...>

«Русские ведомости», 27 марта 1899 г.

Московское отделение Общества электрического освещения, желая распространить в Москве применение электрической энергии для приведения в движение всякого рода фабричных и ремесленных машин и станков, как то: типографских, токарных и иных, а так же гальванопластических и других целей, сим объявляет, что оно нашло возможным с 15-го мая 1899 г. значительно понизить тариф за энергию для моторов, утвержденный московской городской Управой в 3½ копейки за 100 уатт-часов.

Скидка делается до 50%, а в исключительных случаях даже более. Цена за эксплуатацию устанавливается по соглашению с Обществом, в зависимости от продолжительности дневной работы мотора и его силы.

Цена за ток для подъемных машин и вентиляторов остается прежняя, т.е. 3,5 коп. за 100 уатт-часов.

Подробные сведения могут быть получены в справочном отделе Общества, Раушская наб., центральная электрическая станция.

«Русские ведомости», 5 и 8 апреля 1899 г.

Московский отдел Общества электрического освещения уведомило городскую Управу, что в наступающем строительном периоде оно намерено проложить подземные кабели по следующим улицам и переулкам Москвы:

<следует перечень> В общей сложности предполагается проложить 6 330 метров [правильно, 63 300 метров – МК], около 59 верст [кабеля].

Вчера в трех местах Москвы было прекращено электрическое освещение, а именно – в местностях около Салтыковского пер., Мясницкой и Моховой. Оказалось, был поврежден электрический кабель и, как предполагается, рабочими газового Общества, производившими в этих местах работы.

«Русские ведомости», 11 апреля 1899 г.

Представители Общества электрического освещения в виду Пушкинских празднеств [(100-летия со дня рождения поэта)] предложили городской Управе в течение трех дней безвозмездно освещать всю Тверскую улицу.

Кроме того, Общество проложило кабель к самому памятнику Пушкина, который так же будет освещаться электричеством [в течение трех дней бесплатно? – МК].

Вчера, 26-го мая, Москва торжественно праздновала столетнюю годовщину со дня рождения А.С. Пушкина. <...> Вечером памятник освещался двумя электрическими солнцами. <...>

«Русские ведомости», 27 мая 1899 г.

При городской Управе в Совете инженеров в настоящее время разрабатывается проект общих условий с Обществом электрического освещения, касающихся того места договора Общества с городом, в котором говорится о присоединении частных лиц к кабельной сети Общества. До сих пор каждый обыватель, желающий получить свет от Общества, должен был заявлять о том Обществу, и оно уже само производило установку приборов, а так же делало необходимые вводы.

В данное время правила эти предполагается с обоюдного согласия города и Общества изменить в том смысле, что установку приборов и работы по вводам проводников предполагается предоставить самим владельцам домов; Общество же имеет только наблюдение за работами. Кроме того, Управа предлагает Обществу несколько понизить плату за дуговые фонари, сравнительно с лампочками накаливания.

«Русские ведомости», 30 мая 1899 г.

С этой недели Общество электрического освещения приступает к работам по прокладке подземного кабеля, протяжением до 40 верст, по улицам Москвы и преимущественно в западной ее части, в районе Пречистенки, Арбата, Воздвиженки, Спиридовки, Китай-города и др.

«Русские ведомости», 21 июня (понедельник) 1899 г.

На днях в городской Управе состоялось заседание инженеров, в которое были приглашены представители от Общества электрического освещения. Предметом заседания было обсуждение общих условий, на которых жители [Первопрестольной] столицы могут пользоваться электрической энергией для освещения домов. Ввиду того, что Общество отказывается от производства установок для освещения в частных домах и предоставляет право делать это самим домовладельцам, то при городской Управе теперь переработаны прежние общие условия.

Впредь Общество будет только за вознаграждение, согласно известной таксе, осматривать установки и присоединять затем их к своей сети. Новыми общими условиями регулируются вообще отношения между Обществом и абонентами. Установки же делаются с соблюдением особых правил, утвержденных Управою. <...>

«Русские ведомости», 8 июля 1899 г.

Вопрос об электрическом освещении Театральной площади и Охотного ряда, возникший еще летом прошлого года, на днях наконец разрешен. 5-го августа городская Управа и Общество электрического освещения заключили между собой контракт, в силу которого Общество получает право на прокладку электрических кабелей по мостам – Б. Устьинскому, Б. Каменному и Б. Чугунному и обязуется поставить 28 электрических дуговых фонарей на Тверской площади и в Охотном ряду. Договор этот заключен на 8 лет. Фонари должны быть готовы к 1 июля будущего года.

«Русские ведомости», 9 августа 1899 г.

На центральной станции Общества электрического освещения заканчиваются работы по постановке новой, пятой по счету, машины в 1 000 сил. Несколько дней тому назад прибыла из-за границы для новой паровой машины динамо-машина, весом в 1 800 пудов [29 тонн? скорее, 180 пудов или 2,9 тонны!– МК]. Через несколько недель динамо-машина будет собрана и пущена в ход. Таким образом, центральная станция будет располагать, в общем, семью машинами на 6 000 лошадиных сил – крайний предел, на который рассчитана первая половина станции.

«Русские ведомости», 4 ноября 1899 г.

Московское Общество электрического освещения представило третьего дня в городскую Управу в общих чертах проект освещения фонарями с вольтовыми дугами 1-й Мещанской улицы от Сухаревской площади до Крестовских башен у заставы. Согласно этому проекту предполагается установить 50 фонарей типа имеющихся на Моховой ул., не менее 18-ти ампер. Общество принимает на себя только поставку электрической энергии по одной копейке за гекто-ватт-час переменного тока, так что стоимость [горения] 18-ти-амперной лампы в час составит 7,2 коп. Что касается первоначального устройства, то городу согласно §4 контракта с Обществом придется заплатить приблизительно по 325 руб. с фонаря, т.е. около 16 000 руб. за все освещение 1-й Мещанской улицы.

«Русские ведомости», 13 ноября 1899 г.

20-го ноября, вечером, рабочий Общества электрического освещения Степан Афанасьев стал осматривать нижнюю часть электрического столба, находящегося на Тверской улице, против Глазной больницы, и едва успел открыть дверцу, как произошел сильный взрыв [светильного] газа. Силою взрыва Афанасьев был оглушен и отброшен в сторону. Газ, как полагают, натек в помещение [(внутренний объем)] столба из испортившейся вблизи газовой трубы.

«Русские ведомости», 22 ноября 1899 г.

За нынешний период Общество электрического освещения вновь проложило кабель по Москве на протяжении 21,4 версты. Общая кабельная сеть Общества увеличилась до 163-х верст.

«Русские ведомости», 7 декабря 1899 г.

Итак, завершилась достаточно важная веха в «линии жизни» Роберта Эдуардовича: станция на Раушской станции получила определенное развитие, да и ее потенциальные абоненты, по-видимому, с нетерпением ждали возможности подсоединиться к кабельной сети Общества и вкушать благ цивилизации.

Р.Э. Классон позже критически вспоминал об условиях его работы на Раушской станции в 1898-99 гг. Тогда строго экономились эксплуатационные расходы. Например, один раз члены правления «Общества 1886 г.» приехали в Москву из Петербурга (где оно было зарегистрировано) только для утверждения новой должности – аккумуляторщика.

Роберт Эдуардович с раздражением отмечал, что эти члены правления – немцы – завели привычку (а он иногда был вынужден сопровождать их) вечер перед отъездом в Петербург проводить в излюбленной немецкой колонией в Москве пивной в центре города. Причем сидели в ней, посматривая на часы, всегда до последней, возможной по их расчетам, минуты. Один из артельщиков (младших служащих «Общества 1886 г.») должен был нанимать извозчиков-лихачей и ожидать немцев перед пивной, а второй артельщик – с билетами в руках – встречать их на Николаевском вокзале (ныне Ленинградском).

Как утверждал его сын Иван, Р.Э. Классон, имея много деловых знакомых, немцев, сохранив до конца жизни дружбу с австрийцем Эрнестом Ленером, никогда ни с кем в многочисленных петербургской и московской немецких колониях близок не был. Но, добавим от себя, вынужден был поддерживать тесные деловые отношения с немцами, членами правления «Общества 1886 г.» и его служащими.

В то же время мы не можем не привести нелицеприятный комментарий С.Н. Мотовиловой на неизменно захватывающую тему «Классон как человек»:

Статью Винтера прочла с удовольствием. О научной одаренности Классона судить не могу. Мне он не нравился. Я не любила социал-демократов [теоретиков]. Не нравилось мне и его [холодное] отношение к тете Соне, не нравилось, что он как-то увлекается буржуазной жизнью.*

Недавно прочла в своем детском дневнике, как я пишу, что приехал к нам Классон на своем рысаке и увез маму и рассказывал, что был на каком-то банкете (очевидно, как представитель Электрической станции?), уехал оттуда с журналистом из «Московских ведомостей», и тот совершенно пьяный ему рассказывал похабные анекдоты. Для меня все это было противно: и банкет, и «Московские ведомости», и журналист с анекдотами. Все это я презирала. (здесь и ниже – из писем И.Р. Классону, ф. 9508 РГАЭ)

* Скорее всего, речь идет о статье А.В. Винтера «Выдающийся инженер-новатор в области энергетики» в «Известиях АН СССР», Отделение технических наук, 1951, №9.

И на эту же, «человеческую» тему:

Классон как директор (или не знаю, кем он там был), получал по два билета во все театры Москвы (надо было смотреть, чтоб свет не мигал, за каждое мигание станция должна была платить что-то городу). Наши у него как-то попросили эти даровые билеты на какой-то спектакль. Классон сказал, что он все билеты отдает своим служащим, а он достаточно зарабатывает, чтоб сам себе купить. Мне это понравилось. Не всякое начальство так делает. Конечно, если бы он был джентльменом, он бы сам купил и прислал нам билеты. Но джентльменом он, по-моему, не был. Но было у него какое-то внутреннее благородство.

Я читала в каком-то «Историческом архиве» о Шатурской станции. Там дан немного образ Классона. Мне понравились его письма Ленину, какой-то достойный тон. Очень уж у нас мало теперь человеческого достоинства.*

Отметим здесь, что С.Н. Мотовилова могла видеть Роберта Эдуардовича в Москве по зиме 1898 года, а потом ее мать Алина Антоновна увезла младших дочерей в Киев, откуда они продолжали регулярно выезжать за границу, и с Р.Э. Классоном эпизодически встречалась только А.А. Мотовилова, опять же в Москве. (см. очерк “Софья Мотовилова – «семейная связь»”)

А вот воспоминание С.Н. Мотовиловой, связанное с более ранними, петербургскими контактами:

Пришли к нам Коробко и Классон и стали звать нас на Острова послушать цыган. Наши: мама, Зина, Вера поехали, но я, конечно, отказалась. Деньги в этот вечер у них швырялись без конца, и не знаю, почему-то, они давали рублевки полицейским на дороге. Нет, не мой это стиль. И Коробко, и Классон очень много зарабатывали. Помню, на каком-то Харьковском заводе Коробко получал 40 000 руб. в год.

В другом письме Софьи Николаевны приводились дополнительные подробности и рассуждения:

Вы не находите, что разница в материальном положении всегда кладет какую-то грань между людьми? Я вспоминаю, как разбогатели тогда Классон и Коробко. Это все было понятно: и 35-франковый костюм, который в Лозанне покупал Классон, и примерка моего платья, когда Коробко давал указания, как лучше поправить, чтоб не казалась такой худой <...>.

Однажды приехал вместе с Классоном, предложили нам отправиться к цыганам на Острова. Поехали мама, Зина и Вера. Я, конечно, не поехала – не мой стиль. У Веры осталось неприятное впечатление от цыган и поездки. Мчались на рысаках, швыряли деньги. Мороз стоял жуткий, и вот почему-то городовым, стоявшим на посту, [Классон и Коробко] швыряли рублевки.

Когда в дореволюционном Петербурге заходила речь об Островах, то имелись в виду Елагин, Каменный и Крестовский. Горожане в белые ночи приезжали на них подышать свежим воздухом, потанцевать или послушать цыган. Скорее всего, упомянутое событие произошло в один из приездов Р.Э. Классона из Баку в правление «Электрической Силы» (1900-1906 годы).

* По-видимому, это журнал Института истории АН СССР, выходивший в 1955-62 гг.

Р.Э. Классон в служебном кабинете в Москве, 1899 г.

А теперь опять упомянем о непростых личных отношениях с родственниками Роберта Эдуардовича и Софьи Ивановны, для чего приведем развернутые воспоминания С.Н. Мотовиловой:

Помню, как пришла обрадованная tante Xaverine. Тетя Соня была проездом в Петербурге. Это было в 1902 или 1903 году. Tante Xaverine жила на Невском, а тетя Соня остановилась в Северной гостинице, которая была против Николаевского вокзала, и тетя Соня пригласила tante Xaverine к себе. Я помню, как tante Xaverine была рада этому приглашению, все-таки какие-то связи с людьми, какие-то свои родственники.*

<...> Мы жили очень близко от Николаевского вокзала, но к нам тетя Соня не зашла. Мама объяснила нам свой разрыв с тетей Соней тем, что она прревновала маму к ее швейцарской подруге. Эта связь – дружба у мамы с ее подругой сохранилась до конца жизни, и оба раза, когда мама после революции ездила в Швейцарию, то на деньги этой подруги. Но мне кажется, причина разрыва была другая.

* Большевики переименуют его в Московский вокзал.

Зинаида Николаевна Мотовилова-Некрасова (в стиле à la russe), Лозанна

Тети Анютиной дочка Маша писала из Тамбова: тетя Анюта рассказывала, что тетя Соня ревновала Классона к нашей Зине. Очевидно, это уже происходило, когда я жила в Веймаре. А теперь (на 80-м году жизни!) Зина призналась, что была влюблена в Классона. Для Вас-то, конечно, Зина только глухая старуха, а в те годы она была очаровательна. <...> В 1896-97 годах, когда мы жили в Москве, все бывавшие у нас студенты, влюблялись в Зину. Одну осень мама и тетя Соня были еще в Бугурне, и Классон почти каждый вечер приходил к нам, к вечернему чаю. Я объясняла это тем, что ему скучно в пустой квартире у себя дома. У нас он был скучный, и, рассказывая что-нибудь, вечно повторял: «Это было, когда вы еще пешком под стол ходили».

В воспоминаниях С.Н. Мотовиловой все-таки нет явного указания на то, что женатый Р.Э. Классон каждый день приходил в Москве на вечерний чай к Мотовиловым именно из-за своей очаровательной родственницы Зинаиды. В то же время о его пребывании в Мокрой Бугурне (Симбирской губ.) вместе с женой и ревности последней к Зинаиде мы уже упоминали в очерке «Мотовиловы – от Тимофея Мотовила».

Как мы уже упоминали, в марте 1895 года «Произведенное при С.Петербургском Губернском Жандармском Управлении дознание по обвинению Инженер-технолога Роберта Эдуардова Классона и технолога дворянина Якова Петрова Коробко в государственном преступлении, по соглашению Господ Министров Внутренних Дел и Юстиции, дальнейшим производством прекращено с учреждением за ними негласного надзора полиции по распоряжению Министерства Внутренних Дел».

И в деле Департамента полиции «Об инженер-технологе Роберте-Артуре Эдуардове Классон» имеется соответствующая запись: «5 Февраля 1900 г. Роберт Классон по паспорту, выданному из Иностранного отдела Канцелярии Московского Генерал-Губернатора, выбыл из Москвы за границу, ввиду чего помещен был в циркуляр на пограничные пункты от 21 Апреля 1900 г. за №844 о таможенном досмотре и учреждении негласного надзора по возвращении в Россию». (ф. 102 ГАРФ)

По-видимому, Роберт Эдуардович выезжал подлечить здоровье, расшатанное прежней «революционной деятельностью». Как следует из одного частного документа (см. конец этого очерка), 21 февраля он находился в Берлине.

В 1897-1900 гг. Р.Э. Классон со своей еще не такой большой семьей занимал просторную служебную квартиру из пяти комнат в трехэтажном доме №11 в Садовниках (ныне №11/2 на Садовнической ул.). Казалось бы, в Московском отделении «Общества 1886 г.» ему была обеспечена благополучная карьера – развивай предприятие и двигайся заодно вверх по служебной лестнице (пусть всего лишь на одну-две ступеньки), но в марте 1900-го он вдруг оказался в Баку. Почему? Об этом мы расскажем в следующем очерке.

Здесь стоит хотя бы коротко привести данные о бытовых условиях проживания населения в Первопрестольной. Хотя для семьи Р.Э. Классона они были несколько приличнее, чем на Охте под Петербургом (например, вместо квартирки появилось просторное жилье из 5 комнат, а регулярное сообщение Замоскворечья с центром осуществлялось как минимум по двум мостам – Москворецкому и Каменному), но все же оставляли желать много лучшего.

21 апреля 1898 г. «Русское слово» опубликовало передовицу своего сотрудника В. Иордана «Ближайший путь к оздоровлению Москвы»:

Москва находится еще под живым впечатлением распубликованного недавно Высочайше утвержденного 30 января текущего года положения Комитета министров о предоставлении Его Высочеству Августейшему Генерал-Губернатору первопрестольной столицы [(Великому Князю Сергею Александровичу)], в изъятие из общего порядка производства дел по нарушениям обязательных постановлений, подвергать виновных в неисполнении или нарушении обязательных постановлений Московской городской думы по санитарной части взысканиям собственно властью, причем взыскания эти значительно увеличены сравнительно с теми в сущности ничтожными и потому не достигающими цели наказаниями, какие определены за те же поступки Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

Это изъятие, допущенное на 5-летний срок, выражает собою твердое намерение правительства покончить, наконец, с тем крайне ненормальным явлением, в силу которого Москва считается по размеру смертности в ней [(ежегодно – 33 человека на 10 тысяч населения)] вторым из числа наиболее нездоровых главных европейских городов. В этом отношении она уступает только одному Лиссабону. <...>

И, действительно, в этом году штрафы, размером от 10 до 500 рублей, налагались на московских домовладельцев, допустивших у себя антисанитарию, чуть ли не пачками.

А 25 апреля того же года «Русское слово» перепечатало острую публикацию своих коллег:

«Московские Ведомости», говоря о проектируемом городским управлением устройстве в Москве нескольких народных театров, замечают:

Устройство театров допускается действующим городским Положением, но здесь является другой вопрос – располагает ли московское управление необходимыми для этого средствами? Нам кажется, что об этом решительно невозможно иметь двух мнений. Несомненно, что ни в одной из цивилизованных стран не существует города, в котором бы общественное благоустройство стояло ниже чем в Москве.

Наши мостовые служат притчею в языцах для иностранцев, по своему неудовлетворительному состоянию. Мы задыхаемся летом от пыли. У нас вода проведена в дома только в виде исключения, а хорошо устроенною водопроводною сетью пользуются на Западе каждый ничтожный городок. У нас еще нет канализации, а если даже она и будет в непродолжительном времени [(летом 1898-го)], то ведь она сделана в долг, и ее еще нужно выплачивать. Да еще неизвестно, какова будет эта канализация, удастся ли это грандиозное сооружение. Может быть, для того чтобы добиться правильного удаления нечистот из города придется в будущем производить траты многих и многих миллионов [рублей].

Окраины города почти не освещаются и не замощены даже такими убогими [брусчатками и булыжными] мостовыми, которые прославили Москву по всему свету. На некоторых глухих улицах и теперь еще лошади и возы тонут буквально в грязи. Даже в такой части, как Пречистенская, можно наталкиваться на совершенное отсутствие какой бы то ни было мостовой. Московские улицы узки и кривы не только в центре, но даже в новых кварталах на окраинах. В городских больницах систематически не хватает места, и приходится отказывать даже тяжким больным...

На указание всех этих недостатков и неустройств всегда готов один ответ: «у города нет средств». И вот несмотря на все это, у города находятся целые 200 тысяч, которые он готов швырнуть на дело народных развлечений.

Все же можно надеяться на то, что в служебном доме для «высшего персонала» на Садовнической улице был предусмотрен и водопровод, и ретирадное место в виде ватерклозета, а не «удобств во дворе» как на Охте! Правда, около года, до подключения к городской канализации, нечистоты приходилось куда-то сливать. Уж не в Москву ли реку?!

Ближе к осени 1898 года как раз началось подключение домов к городской канализации:

По настоящее время к канализации присоединились до 200 владений с правом спуска только раковинных вод и свыше 60 владений с правом спуска как раковинных вод, так и ретирадных нечистот. Кроме того, в городскую Управу поступило много и ежедневно продолжают поступать новые ходатайства от домовладельцев о присоединении их владений к канализационной сети. Домовладельцы, подавшие ходатайства до 1 сентября, могут рассчитывать на присоединение их владений к канализации еще в настоящем году. Что касается лиц, подавших ходатайства после 1 сентября, то городская Управа принимает меры, чтобы и их владения были присоединены к канализации в ближайшем будущем.

«Русское слово», 8 сентября 1898 г.

В следующем году появилась информация о том, что даже около четырех сотен домовладений, которые были присоединены к канализации, составляют ничтожный процент среди 8 000 домов в зоне ее действия. Значит, остальные домовладения продолжали отравлять предметами своей жизнедеятельности почву и подземные воды, ну и конечно Москву-реку...

В марте 1899-го у Софьи Ивановны и Роберта Эдуардовича появился третий ребенок – Иван. В неотправленном письме В.А. Бреннеру за 12 апреля 1962 года И.Р. Классон утверждал, что его окрестили в честь Иоанна Лествичника (который составил и опубликовал в своих трудах «лествицу», т.е. лестницу нравственного самоусовершенствования человека)! Все же более распространенной версией среди родных была та, что его назвали в честь деда Ивана Егоровича.

Ну и, кроме наследника Ивана, подрастали его старшие сестры Софья и Татьяна.

Таня и Соня Классоны, Москва (фото из архива семьи Александровых)

С 27 декабря 1899-го по 7 января 1900 года в Петербурге с большой помпой прошел Первый Всероссийский Электротехнический съезд. Р.Э. Классон стал его официальным участником (причем, с билетом члена съезда под №10), заявил для выступления доклад «О центральных станциях», но так и не выступил с ним.

Секретарь съезда Н.Н. Георгиевский в своем отчете констатировал:

Уже с конца сентября [1899 года] в Комитет Съезда начали поступать сперва заявления о желаниии сделать доклады, а затем и сами доклады. До назначенного правилами срока поступило сравнительно немного докладов в оригиналах, вследствие сравнительно короткого промежутка времени между объявлениями о созыве Съезда и конечным сроком представления докладов. Большая часть докладов поступила на рассмотрение Комитета Съезда уже незадолго до открытия Съезда.

Почти все из представленных докладов были допущены к прочтению на заседаниях Съезда. Некоторые же из заявленных были сняты потом самими докладчиками. Таким образом, ко времени открытия имелись в виду следующие доклады...

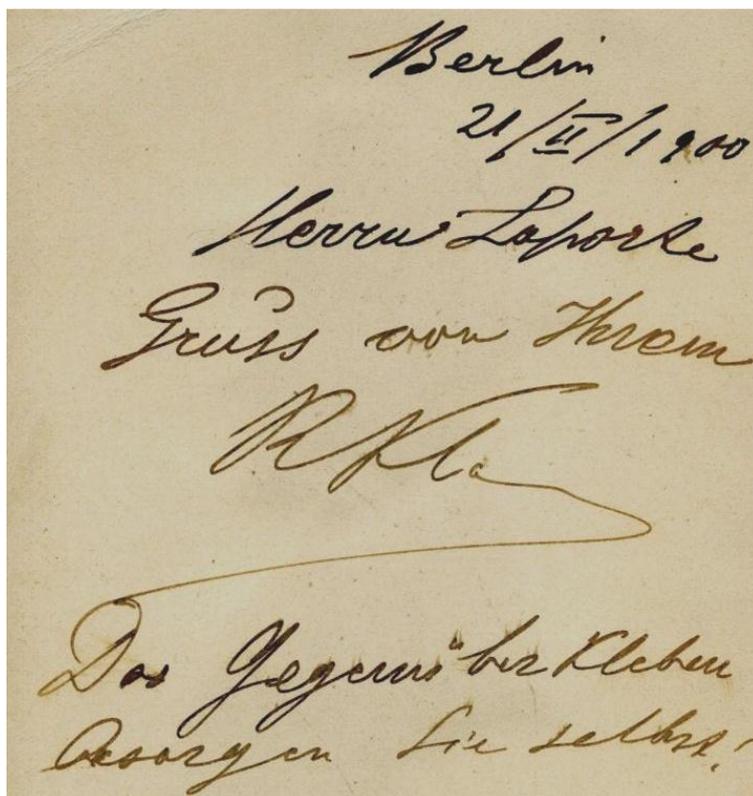
И вот под позицией №27 (в списке из 90 записавшихся) и числился доклад «О центральных станциях». Для прочтения всех докладов было образовано 6 отделов. И Роберт Эдуардович должен был выступить в III отделе – «Производство и распределение электрической энергии», но по-видимому снял свой доклад. Кроме того, не заметны следы его участия и в дискуссиях по докладам (а все выступления тщательно стенографировались и потом публиковались в трудах съезда), а также в разнообразных комиссиях. В общем, признаков его пребывания на I Электротехнического съезда не имеется...

А в феврале 1900-го Роберт Эдуардович съездил в Берлин. Это становится известным из посвящения, сделанного в адрес Herrn Laporte на обороте теневого портрета Р.Э. Классона (в 1897-м на монтаже оборудования Раушской станции работал инженер Бернгард Лапорт от фирмы Сименс и Гальске*):

Берлин 21 / II / 1900

Герру Лапорту Привет от Вашего Р. Классона

<дальше идет речь о том, что теневой портрет (визави?) надо куда-то наклеить самому Лапорту>

* Лапорт Бернгард Федорович. Родился 1862/1863. Германский подданный. Инженер. С 06.08.1896 – зав. строительным отделом Московского отделения Общества Электрического Освещения, временно прикомандирован от фирмы Сименс и Гальске. Уполномоченный (уполномочен на получение всех денег от имени ОЭО от любых организаций и частных лиц) (1902-1906). Доверенный МОЭО (12 июля 1902 года). Управляющий делами МОЭО (3 июня 1908 года). Адреса: Москва, Москворецкая наб., д. Прусскова (1902); Садовники. Источники: ЦИАМ, ф. 722, оп. 2, д. 154; ф. 722, оп. 3, д. 69, л. 19; ф. 722, оп. 1, д. 476, л. 352. (www.mosenergo-museum.ru/Energetics_to_the_Personalities/Staff/960).

Теневой портрет Р.Э. Классона